

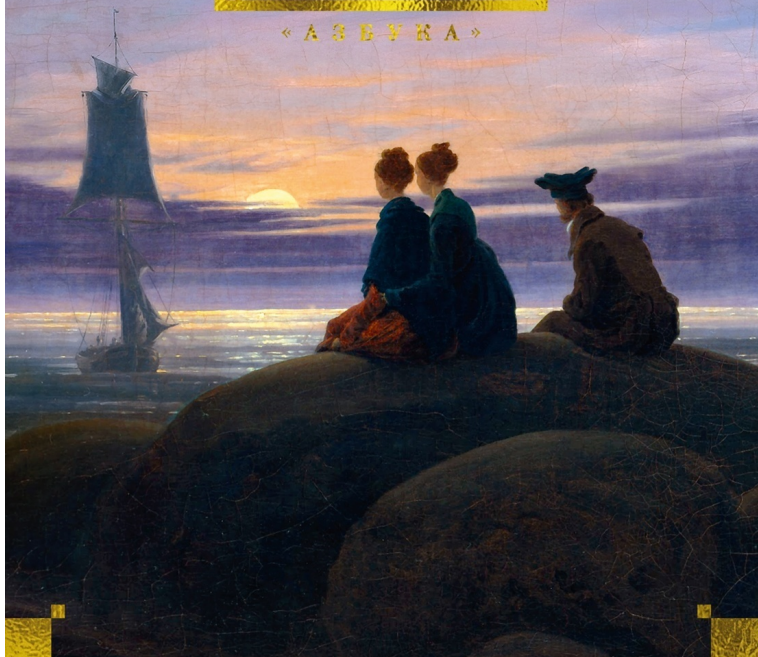
ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

БК

Уилки
Коллинз

ЛУННЫЙ
КАМЕНЬ

«АЗБУКА»

Уильям Уилки Коллинз
Лунный камень
Серия «Иностранная
литература. Большие книги»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74619881
Лунный камень ; Когда опускается ночь. романы: Азбука,
Издательство АЗБУКА; СПб; 2026
ISBN 978-5-389-34416-7*

Аннотация

Романы Уилки Коллинза (1824–1889), которые стали литературной сенсацией Викторианской эпохи, и по сей день неизменно входят в списки обязательного к прочтению для любителей детективов, таинственных историй, классики и просто хорошей прозы.

Уилки Коллинз – виртуозный архитектор хитроумных сюжетных лабиринтов и тонкий исследователь человеческой натуры. Лучший тому пример, несомненно, самый знаменитый его роман – «Лунный камень». Опубликованный в 1868 году, он оказался не только вершиной творчества своего создателя, но и бесценным алмазом в сокровищнице мировой литературы всех времен. Завораживавший современников хитросплетениями и внезапными виражами сюжета, в наши дни «Лунный камень» к тому же дарит возможность окунуться в мир викторианской

Англии с ее нравами и обычаями – и конечно, насладиться блестящим литературным мастерством автора.

Долгие годы это знаковое произведение издавалось на русском языке в неполных переводах. Настоящее издание предлагает читателям заново познакомиться с ним в новом, блестящем переводе Александра Ливерганта.

Второе произведение, включенное в сборник, «Когда опускается ночь», великолепный пример многогранности таланта Коллинза: это шесть увлекательных и полных тайн историй, вместе составляющих размышление на вечную тему: где пролегает грань между предопределением и личным выбором и что из них направляет нашу судьбу?.

Книгу украшают классические иллюстрации из издания 1900 года.

Содержание

Лунный камень	8
Предисловие	8
Предисловие к изданию 1871 года	10
Пролог	13
История	24
Часть первая	24
Глава I	24
Глава II	27
Глава III	34
Глава IV	46
Глава V	60
Глава VI	71
Глава VII	89
Глава VIII	95
Глава IX	114
Глава X	123
Глава XI	144
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Уильям Уилки Коллинз

Лунный камень

Иллюстрированные романы

Wilkie Collins

THE MOONSTONE

AFTER DARK

© А. М. Бродоцкая, перевод, 2021

© А. Я. Ливергант, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление

* * *

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Уилки Коллинз

ЛУННЫЙ КАМЕНЬ
♦
КОГДА ОПУСКАЕТСЯ
НОЧЬ

Санкт-Петербург

Лунный камень

Предисловие

Целью моих предыдущих романов было проследить, какое влияние оказывают жизненные обстоятельства на человека. В этой же книге я попытался показать обратное: не обстоятельства влияют на человека, а человек на обстоятельства. Поступки молодой женщины в стесненном положении и легли в основу этой книги.

Ту же цель я преследовал и при описании других персонажей, появлявшихся на этих страницах. В том положении, в котором они оказались, как, собственно, и в жизни, их мысли и поступки бывали иногда верными, а иногда и нет. Как бы то ни было, их поведение в обоих случаях в равной мере оказывало воздействие на происходящее.

Этим же соображением я руководствовался и описывая эксперимент, играющий важную роль в заключительных главах «Лунного камня». Полагаясь не только на книги, но и на авторитетное мнение живых людей относительно того, каким мог быть результат этого эксперимента, я решил не пользоваться правом романиста предположить, что *могло* произойти, а выстроил сюжет, исходя из того, что *действительно* имело место.

Что же касается самого брильянта, должен довести до сведения читателя, что его история основывается главным образом на судьбе двух королевских брильянтов в Европе. Великолепный камень, который украшает собой наверху русского императорского скипетра, был некогда глазом индуистского идола. Считается, что и знаменитый «Кохинор» также был одной из священных драгоценностей Индии. Более того, существует предсказание, согласно которому всякому, кто посмеет завладеть этим древним талисманом, грозит несчастье.

Глостер-плейс, Портмен-сквер, 30 июля 1868 года

Предисловие к изданию 1871 года

Обстоятельства, в которых писался «Лунный камень», с точки зрения автора, не лишены интереса.

Когда эта книга печаталась с продолжением в периодических изданиях Англии и Соединенных Штатов и написана была не более чем на треть, на меня одновременно свалились и неслыханное бедствие, и тяжкий недуг, равного которому я прежде никогда не испытывал. В то самое время, когда моя мать лежала при смерти в своем маленьком доме за городом, я стал жертвой мучительной ревматической подагры. Находясь под бременем двух этих бед, я вместе с тем не мог пренебречь своим долгом перед читающей публикой. Мои благосклонные читатели в Англии и в Америке, которых я до сих пор еще ни разу не подвел, каждую неделю ждали продолжения романа, и я продолжал писать — и не только ради читателей, но и ради себя самого. Когда страдания от потери матери и от собственного недуга на время отступали, я, не вставая с постели, диктовал «Рассказ мисс Клэк» — то место в «Лунном камне», которое, как оказалось впоследствии, мне удалось больше всего. О том, каких физических мучений мне стоили эти усилия, я распространяться не стану. Вспоминаю лишь то несказанное облегчение, какое принесли мне мои литературные упражнения, пусть и на пределе сил. Искусство, которое всегда было гордостью и украше-

нием моей жизни, теперь «стало высшей наградой себе самому»¹. Сомневаюсь, чтобы я написал еще хоть одну книгу, если б насущная необходимость отсылать в журнал еженедельную порцию «Лунного камня» не вынуждала меня собраться с духом, высушить бесполезные слезы и справиться с беспощадной болью.

Закончив роман, я ожидал, как его примут, с нетерпением и тревогой, какую ни раньше, ни позже не вызывали у меня другие мои сочинения. Если бы «Лунный камень» потерпел фиаско, я бы испытал горькое разочарование. По счастью, однако, моя книга и в Англии, и в Америке, и в Европе встречена была весьма благожелательно, сразу же завоевала единодушное признание. И у меня никогда еще не было более веских оснований испытывать чувство благодарности к читателям всех стран: мои герои пришли к двору, мой роман вызвал большой интерес, читатели снисходительно отнеслись к недостаткам книги и сторицей воздали мне за тот непомерный труд, которого стоили мне эти страницы в тяжкую годину болезни и горестей.

Остается лишь добавить, что нынешнее издание было выпущено самым тщательным образом. Я сделал все от меня зависящее, чтобы книга пользовалась долгим и заслуженным успехом.

¹ Высказывание Уильяма Хэзлитта (1778–1830), классика английской эссеистики, относящееся к обретению новых знаний. *(Здесь и далее, если не указано иное, примеч. пер.)*

У. К. Май 1871 года

Пролог

Штурм Серингапатама(1799)

Из семейного архива

1

Эти написанные в Индии строки предназначены моим родственникам в Англии.

Хочу объяснить, по какой причине я отказался протянуть руку дружбы моему кузену Джону Хернкаслу. Члены моей семьи, чьим расположением я так дорожу, неверно истолковали ту сдержанность, с какой я отношусь к нему по сей день. И в этой связи я обращаюсь к ним с просьбой: не делайте окончательных выводов, пока не прочтете мой рассказ до конца. Заявляю со всей ответственностью: все, что я сейчас собираюсь написать, – чистая правда от первого до последнего слова.

Размолвка между моим кузеном и мной произошла во время незабываемого исторического события, в котором нам обоим довелось участвовать, – штурм Серингапатама, состоявшегося 4 мая 1799 года под началом генерала Бёрда.

Дабы прояснить читателю все обстоятельства этого события, ненадолго отвлекусь от штурма как такового и расскажу

о том, что говорилось в нашем лагере о драгоценных камнях и золотых слитках в серингапатамском дворце.

2

Одна из самых невероятных историй подобного рода связана с так называемым Желтым брильянтом, знаменитым драгоценным камнем, хранившимся в Индии с незапамятных времен.

Издавна считалось, что камень этот находится во лбу четырехрукого индийского бога Луны. Отчасти из-за своего причудливого цвета, отчасти согласно суеверию, будто на него оказало влияние божество, которое он собой украшал, и будто сверкает он больше или меньше в зависимости от того, восходит или заходит луна, его называли (и в Индии называют по сей день) Лунным камнем. Схожее суеверие, как я слышал, существовало также в Древней Греции и в Риме с той лишь разницей, что там, в отличие от Индии, речь шла не о брильянте на челе у бога, а о полупрозрачном, куда менее ценном камне, якобы находящимся под влиянием Луны, которой и в этом случае тоже камень обязан своим названием. И по сей день он известен коллекционерам под этим именем.

Начинаются приключения Желтого брильянта в одиннадцатом веке нашей эры.

В этом столетии мусульманский завоеватель Махмуд Газни вступил в Индию, захватил священный город Сомнатх и

разорил знаменитый, существовавший много веков храм — усыпальницу индуистских богов и чудо Востока.

Из всех божеств, которым поклонялись в этом храме, уцелел лишь бог Луны. Дождавшись ночи, три брамина вынесли из храма неоскверненное божество с Желтым брильянтом во лбу и доставили его в Варанаси, второй по значимости священный город в Индии.

Здесь, в новом капище, в чертоге, украшенном драгоценными камнями, под сводами, покоившимися на золотых колоннах, и был установлен бог Луны, ставший вновь предметом поклонения. В этом храме, в ночь, когда строительство усыпальницы завершилось, трем браминам явился во сне Вишну-Хранитель.

Вишну обдал брильянт у бога во лбу своим божественным дыханием, и брамины пали ниц и спрятали лица в складках своей одежды. Хранитель повелел, чтобы впредь Лунный камень денно и ночью до конца света охранялся тремя жрецами, и брамины, услышав эти слова, поклонились ему в знак того, что покоряются его воле. Вишну предрек, что того дерзновенного смертного, который посмеет завладеть священным камнем, а также всех его потомков, кому этот камень достанется после его смерти, ждет неминуемая кара. И брамины распорядились начертать это пророчество золотыми буквами на воротах святилища.

Один век следовал за другим, одно поколение сменялось другим, а наследники трех браминов продолжали днем и

ночью охранять бесценный Лунный камень. С наступлением восемнадцатого века началось правление императора моголов Аурангзеба². По его приказу храмы, где поклоняются Брахме, подверглись опустошению и разграблению. Усыпальница четырехрукого бога была осквернена кровью священных животных, изваяния божеств были разбиты, и Лунным камнем завладел военачальник из армии Аурангзеба.

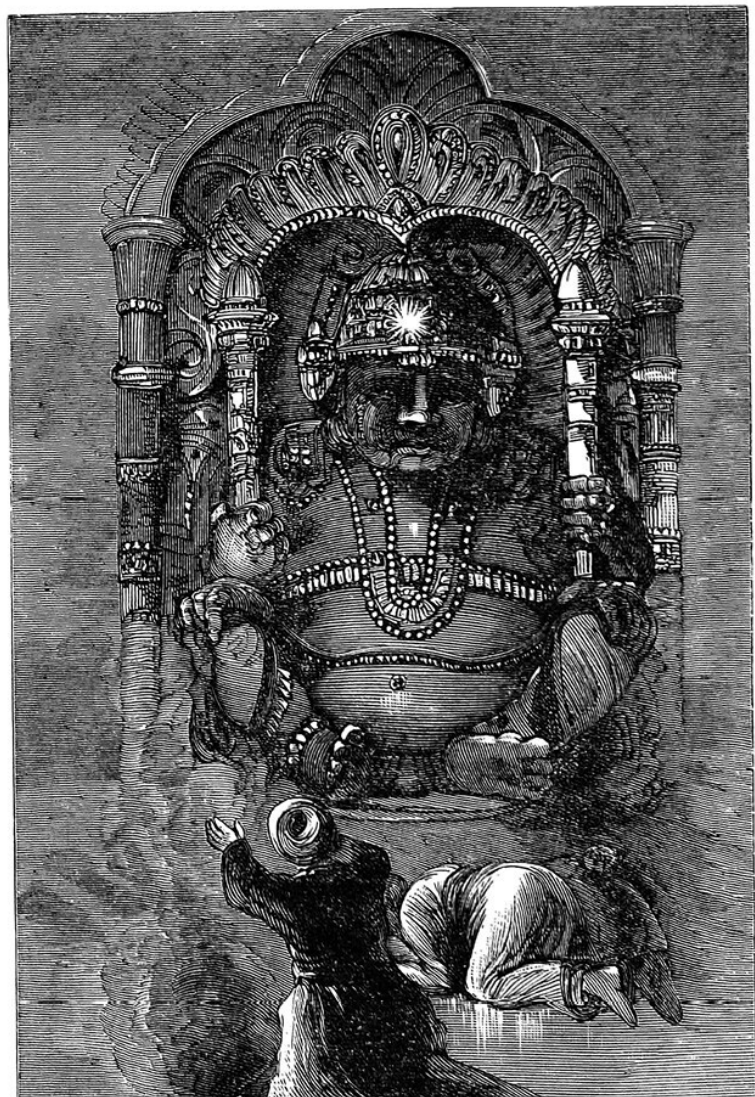
Отобрать украденное сокровище силой три жреца-хранителя были не в состоянии, и им оставалось лишь, переодевшись, следовать за камнем и тайно за ним следить. Шли годы, воин, который совершил святотатство, бесславно кончил свои дни, Лунный камень переходил (вместе со своим проклятием) от одного преступного мусульманина к другому, а преемники трех жрецов-хранителей продолжали вести за камнем наблюдение в ожидании того дня, когда по воле Вишну-Хранителя они вновь обретут свой священный брильянт. Восемнадцатый век меж тем подходил к концу, брильянтом овладел Типу, султан Серингапатама, который приказал украсить им рукоятку своего кинжала, а кинжал поместить вместе с самым ценным оружием у себя во дворце, в оружейной палате. Но и тогда хранители Лунного камня каким-то чудом проникли во дворец султана и продолжали тайно охранять камень. Среди придворных, особо приближенных к султану, было трое никому не ведомых воинов-чу-

² На самом деле Аурангзеб правил империей Великих Моголов с 1658 по 1707 год.

жеземцев, заслуживших доверие своего повелителя преданностью (истинной или ложной) исламской вере; они-то и были переодетыми жрецами, которым Вишну доверил Лунный камень.

3

Такова была фантастическая история Лунного камня, ходившая в нашем лагере. Ни на кого из нас история эта особого впечатления не произвела, если не считать моего кузена, он любил чудеса и поверил в Лунный камень. В ночь перед штурмом Серингапатама он ужасно разозлился на меня и на других офицеров за то, что нам эта история показалась выдумкой от начала до конца. Возникла дурацкая ссора, и неуравновешенный Хернкасл, выйдя из себя, с присущим ему хвастовством заявил, что, если английская армия захватит Серингапатам, Желтый брильянт будет у него на пальце. Выходка Хернкасла вызвала громкий смех; тем дело и кончилось.

А теперь перенесемся в день штурма.

Мы с моим кузенком с самого начала участвовали во взятии города в разных местах: не видел я его и когда мы переправлялись через реку, и когда, прорвав первую линию обороны, водрузили английский флаг, и когда прыгали через ров, и когда, отчаянно сражаясь, ворвались в город. И только в сумерках, когда город пал и генерал Бёрд обнаружил под горой трупов тело Типу, мы с Хернкаслем наконец встретились.

Мы оба входили в отряд, которому генерал приказал остановить грабеж и беспорядки, начавшиеся сразу после взятия города. Вольнонаемные предавались бесчинствам; мало того, через неохраняемую дверь солдаты ворвались в сокровищницу дворца и принялись присваивать себе золото и драгоценности. Встретившись во дворе перед входом во дворец, мы с кузенком призвали их к дисциплине. Хернкасл, отличавшийся буйным нравом, пришел в неистовство оттого, какие ужасы творились у нас на глазах. На мой взгляд, для выполнения отданного ему приказа он был совершенно непригоден.

В сокровищнице царила полная неразбериха, однако насилия не было — я, во всяком случае, его не видел. Солдаты, если можно так выразиться, бесчестили себя добродушно, обмениваясь шуточками и ругательствами. Тогда-то, совершенно неожиданно, и вспомнили о Желтом брильянте —

грабеж сопровождался дьявольской шуткой: «А ну-ка, признавайся, у тебя Лунный камень?» Шутка эта разносилась по всему помещению, ее выкрикивали одни и подхватывали другие. Я тщетно пытался восстановить порядок, и тут вдруг со двора донесся жуткий вопль. Я устремился туда в ужасе оттого, что грабеж начался и там тоже.

Подбежав к распахнутой, ведущей во дворец двери, я увидел тела двух мертвых индусов (офицеров охраны, судя по их платью), лежавших на пороге.

В это самое время из комнаты, которая, по всей видимости, служила оружейной, раздался крик, и я поспешил туда. Третий индус – как видно, смертельно раненный – сползал к ногам человека, стоявшего ко мне спиной. Стоило мне войти, как человек этот обернулся, и я увидел Джона Хернкасла с факелом в одной руке и окровавленным кинжалом в другой. При свете факела драгоценный камень, вправленный в рукоятку кинжала и издали похожий на эфес шпаги, переливался всеми цветами радуги. Умиравший опустил на колени, указал на кинжал в руке Хернкасла и на местном наречии прохрипел: «Лунный камень отомстит и тебе, и твоим потомкам!» И с этими словами мертвым рухнул на пол.

Не успел я сообразить, что произошло, как солдаты, которые следовали за мной, толпой ворвались в оружейную и мой кузен, точно сумасшедший, со всех ног бросился им навстречу. «Очисти помещение! – закричал он мне. – И поставь у входа караул!» Хернкасл кинулся на солдат с факе-

лом и кинжалом, и солдаты попятились к выходу. Я поставил у входа двух надежных часовых из своей роты. Больше в тот вечер я Хернкасла не видел.

Рано утром, когда грабеж еще продолжался, генерал Бёрд под бой барабанов объявил, что любой грабитель, кем бы он ни был, будет повешен, если его застанут на месте преступления. Присутствие при этом объявлении начальника военной полиции свидетельствовало, что генерал не шутит. И здесь, среди собравшихся солдат и офицеров, мы с кузеном встретились вновь.

Он, как обычно, протянул мне руку и сказал: «Доброе утро». Я пожал ему руку в ответ – правда, не сразу.

– Расскажи мне, – сказал я, – как индус в оружейной палате встретил свою смерть и что означали его последние слова, когда он указал рукой на кинжал, который ты держал в руке?

– Думаю, индус умер от смертельной раны, – ответил Хернкасл. – Что же до его последних слов, то их смысл мне понятен ничуть не больше, чем тебе.

Я пристально посмотрел на него. От ярости, овладевшей им накануне, не осталось и следа. Я решил дать ему еще один, последний шанс.

– Тебе больше нечего мне сказать? – спросил я.

– Нечего, – ответил он.

Я повернулся к нему спиной, и с того дня больше мы с ним не говорили ни разу.

Прошу понять меня правильно: то, что я пишу о моем кузене (если только не возникнет необходимость предать эту историю гласности), предназначается исключительно для членов его семьи. Хернкасл не сказал ничего такого, о чем следовало бы доложить вышестоящему офицеру. Те, кто помнили его злобный выпад в ночь перед штурмом, не раз потом высмеивали его желание овладеть Желтым брильянтом. Однако нетрудно предположить, что, памятуя о нашей неожиданной встрече в оружейной палате, он к этой теме возвращаться не станет. До меня дошли слухи, что он собирался перевестись в другой полк – надо думать, чтобы быть от меня подальше.

Как бы то ни было, позволить себе в чем-то его обвинять я не могу – и вот по какой причине. Против него у меня нет никаких улик: все мои обвинения основываются исключительно на внутренней убежденности. У меня не только не было доказательств, что это он убил двух индусов у входа в оружейную палату; не поручусь, что убийство третьего, находившегося внутри, также его рук дело. Собственными глазами я не видел, кто это убийство совершил. Верно, я слышал, что говорил смертельно раненный индус, но ведь это мог быть бред умирающего – откуда мне знать, что в его словах был смысл? Пусть наши с Хернкаслем родственники с

той и другой стороны составят свое собственное мнение о моем рассказе и сами решат, оправданна моя антипатия к этому человеку или нет.

Хотя сам я не слишком верю в фантастическую индийскую легенду о Желтом брильянте, должен в заключение сказать, что и я не свободен от некоторого предрассудка, связанного с этой историей. Я разделяю убеждение (можете назвать это заблуждением), что всякое преступление не остается безнаказанным. Я не только убежден в виновности Хернкасла; мне достанет фантазии поверить, что он еще пожалеет о содеянном, если не расстанется с брильянтом. Верю, что, если он отдаст брильянт, те, кому Лунный камень достанется, пожалеют об этом не меньше, чем он сам.

История

Часть первая

Пропажа брильянта(1848)

*Рассказывает Гэбриэл Беттередж,
дворецкий леди Джулии Вериндер*

Глава I

В первой части «Робинзона Крузо», на странице 129, вы прочтете следующее: «Теперь я вижу, хотя слишком поздно, как безрассудно предпринимать какое-нибудь дело, не рассчитав все его издержки и не рассудив, по нашим ли оно силам».

Не далее как вчера я раскрыл «Робинзона Крузо» на этом месте. А сегодня утром (21 мая 1850 года) ко мне явился племянник миледи, мистер Франклин Блейк, и вот что он мне сказал.

– Беттередж, – сказал мистер Франклин, – я был у юриста по поводу своих семейных дел, и разговор у нас зашел о том, что два года назад из дома моей тети в Йоркшире пропал индийский брильянт. Мистер Брафф и я полагаем, что ис-

торию пропажи брильянта следовало бы в интересах истины записать – и чем раньше, тем лучше.

Хоть я и не понимал, куда он клонит, однако же придерживался того мнения, что ради мира и спокойствия всегда лучше быть на стороне юриста, а потому с мистером Франклином согласился.

– Как вам известно, – продолжал он, – в пропаже брильянта заподозрены невинные люди, и память о них пострадает, если не останется фактов, к которым смогут прибегнуть те, кому предстоит жить после нас. Я ни минуты не сомневаюсь: эту нашу странную семейную историю следует обязательно предать гласности, и мы с мистером Браффом придумали, как это сделать.

Что ж, раз так, за них можно только порадоваться, подумал я, но взять в толк, какое отношение вся эта история имеет ко мне, я покамест не мог.

– Мы должны изложить известные события, – сказал мистер Франклин, – и найдутся люди, которые к этим событиям причастны и которым есть что по этому поводу сообщить. Нам всем следует поочередно рассказать историю Лунного камня, строго придерживаясь фактов и полагаясь только на то, что известно каждому из нас. Начать мы должны с того, каким образом брильянт попал в руки моему дяде Хернкаслу, когда тот полвека назад служил в Индии. Рассказ этот у меня имеется, это старая семейная хроника, записанная очевидцем, который излагает все наиболее значимые подроб-

ности случившегося. Далее надо будет рассказать, как брильянт два года назад оказался в доме моей йоркширской тетки и как он спустя всего двенадцать часов оттуда исчез. Лучше вас, Беттередж, никто не знает, что произошло. А потому возьмите в руки перо и запишите все, что знаете.

Вот каким образом меня известили о том, что мне надлежит сделать. Если вам любопытно, как я повел себя в этих обстоятельствах, то готов сообщить: я сделал то, что, может статься, сделали бы на моем месте и вы. А именно: с присущей мне скромностью заявил, что подобная задача мне не под силу, — сам же подумал, что, если б только мне дали шанс, я бы вполне с этой задачей справился. Мистер Франклин, надо полагать, прочитал мои мысли, ибо посоветовал мне не скромничать и поскорей сесть за работу.

Не успел мистер Франклин скрыться за дверью, как я направился к своему письменному столу, — и вот после его ухода прошло уже два часа, а я по-прежнему (несмотря на свои недюжинные способности) сижу перед чистым листом бумаги и думаю о том, как же прав был Робинзон Крузо, когда говорил, сколь безрассудно браться за дело, не рассчитав все его издержки и не рассудив, по силам ли оно тебе. Обратите внимание, ведь я совершенно случайно открыл книгу на том самом месте. И когда?! Накануне того самого дня, когда я столь опрометчиво согласился взяться за изложение фактов. Как, позвольте спросить, не верить после этого в пророчества?

Нет, я не суеверен. За свою жизнь я прочел целую гору книг; ученый муж – одно слово. Хотя мне уже исполнилось семьдесят, память у меня хоть куда, да и ноги ничуть не хуже. А потому не сочтите меня невеждой, если я скажу, что другой такой книги, как «Робинзон Крузо», никогда не было и не будет. Уже много лет я, покуривая трубку, читаю и перечитываю «Робинзона», который в трудную минуту всегда был мне преданным другом. Когда хандрю – раскрываю «Робинзона Крузо». Когда нужен совет – обращаюсь к «Робинзону Крузо». И в прошлом, когда докучала жена, да и теперь, если выпью лишнего, «Робинзон» – моя надежда и опора. За время долгой и безупречной службы я истрепал шесть новеньких, только что из печати, «Робинзонов». Седьмого мне подарила на свой день рождения миледи. Тогда я выпил лишнего за ее здоровье, и «Робинзон Крузо» вернул меня к жизни. Четыре шиллинга и шесть пенсов, синий переплет, да еще картинка на обложке.

Все это, впрочем, никакого отношения к Лунному камню не имеет, так ведь? Брожу вокруг да около, а с чего начать, понятия не имею. Возьму-ка я, с вашего позволения, чистый лист бумаги и с моим нижайшим почтением начну все сначала.

Глава II

О миледи речь зашла несколькими строками выше. Так

вот, пропавший брильянт никогда бы не оказался в нашем доме, если бы его не подарили дочери миледи, а дочь миледи никогда не получила бы Лунный камень в подарок, если бы миледи (в страданиях и муках) не произвела ее в свое время на свет. Стало быть, если мы начнем с миледи, то начнем издалека, а это в таком деле, как мое, поверьте, немалое утешение. Особенно в начале работы.

Если вы причастны к высшему свету, то не могли не слышать о трех очаровательных мисс Хернкасл – мисс Аделаиде, мисс Каролине и мисс Джулии, младшей из трех сестер и, на мой взгляд, самой из них лучшей. О чем, как вы сейчас убедитесь, я в полном праве судить. Я поступил в услужение к старому лорду, их отцу (по счастью, к брильянту он никакого отношения не имеет – ни в высшем, ни в низшем сословии не приходилось мне встречать джентльмена с таким длинным языком и крутым нравом); так вот, когда мне было всего пятнадцать лет, я поступил в услужение к старому лорду в качестве пажа при трех его наидостойнейших дочерях. В их доме я прожил до тех пор, пока мисс Джулия не вышла замуж за ныне покойного сэра Джона Вериндера. Превосходный человек был этот сэр Джон, вот только очень уж несамостоятельный, ему нужен был советчик, кто-то, кто бы им руководил, и такой человек, между нами говоря, нашелся. От венчания до могилы сэр Джон благоденствовал, жил счастливо, пока его супруга не приняла его последний вздох и не закрыла ему навсегда глаза.

Забыл упомянуть, что вместе с новобрачной переселился в поместье ее мужа и я. «Сэр Джон, – заявила супругу миледи, – без Гэбриэла Беттереджа мне не обойтись». – «Дорогая, – ответил сэр Джон, который никогда жене не перечил, – и мне тоже». Вот как я попал к нему в услужение. Мне было все равно где жить, лишь бы не расставаться с моей госпожой.

Видя, что миледи проявляет интерес к хозяйству, к работам на ферме и прочим подобным вещам, я стал тоже всем этим интересоваться – тем более что сам я был седьмым ребенком мелкого фермера. Миледи отдала меня в помощники к управляющему, я старался изо всех сил, заслужил похвалу и был повышен в должности. Несколько лет спустя – кажется, дело было в понедельник – миссис Вериндер сказала мужу: «Сэр Джон, ваш управляющий глуп и стар. Дайте ему хорошую пенсию, а управляющим назначьте Гэбриэла Беттереджа». – «Дорогая, старый управляющий получил хорошую пенсию, – ответил жене (кажется, это было во вторник) сэр Джон, – а на его место назначен Гэбриэл Беттередж». Вы ведь часто слышите о несчастливых браках. Так вот, этот брак был исключением из правил. Пусть же это послужит предостережением одним и поощрением другим. Продолжу между тем свой рассказ.

Зажил я – лучше не бывает. Я пользовался доверием и почетом, жил в собственном небольшом коттедже, по утрам объезжал поместье, днем составлял отчеты, а вечером курил

трубку и почитывал «Робинзона Крузо». В самом деле, чего еще желать? Вспомните, однако, чего не хватало Адаму, когда он в одиночестве жил в райском саду, и, если вы не осуждаете Адама, не осуждайте и меня.

Мне приглянулась женщина, которая вела хозяйство в моем коттедже. Звали ее Селина Гоби. Я согласен с покойным Уильямом Коббетом³, который говорил, что будущая жена должна хорошо разжевывать пищу и твердо стоять на ногах. Такая женщина, говорил он, будет вам надежной спутницей жизни. Селина этим двум требованиям соответствовала, по этой-то причине я на ней и женился. Но имелась и еще одна причина, до которой я додумался сам. До брака я должен был Селину содержать и еженедельно платить ей за работу по дому. Сделавшись же моей женой, она должна была работать на меня даром. «Экономия с любовью пополам», – рассудил я. И, как положено, изложил эти соображения миледи – точно так же, как самому себе. «Мне думается, ваша милость, что Селина Гоби в качестве жены обойдется мне дешевле, чем в качестве служанки».

Миледи расхохоталась и сказала, что не знает, что ее больше потрясло – мой язык или мои жизненные принципы. Что-то ее явно рассмешило, а вот что – понятно будет лишь знатной особе. Я же понял только одно: миледи не станет возражать, если я сделаю Селине предложение. Именно так я и поступил. И что же мне сказала Селина, спросите вы? Боже

³ Уильям Коббет (1762–1835) – английский писатель, журналист, историк.

мой, как же мало вы знаете женщин, раз задаете такой вопрос! Ну конечно, она сказала «да».

Когда подошло время свадьбы и мне стали говорить, что следует пошить новый сюртук, мне сделалось немного не по себе. Я спрашивал других мужчин, какие мысли приходили им в голову, когда они оказывались в моем положении, и они все без исключения признавались, что примерно за неделю до бракосочетания им очень хотелось из-под венца сбежать. Что до меня, то я пошел немного дальше – взбрыкнул, так сказать, и попытался свадьбу отменить. Нет, разумеется, не даром! Как человек совестливый, я и не рассчитывал, что Селина отступится даром. По английским законам, если жених отменяет свадьбу, он обязан выплатить невесте компенсацию. Вот и я, как полагается законопослушному подданному, хорошенько все обдумал и предложил Селине Гоби отступного: перину и пятьдесят шиллингов в придачу. И что вы думаете? Эта глупышка отказалась.

Делать было нечего. Я пошил себе новый сюртук подешевле, да и вообще отделался довольно дешево. Счастливым, правду сказать, наш брак назвать было нельзя, но и несчастливый он тоже не был. Как говорится, серединка на половинку. Уж не знаю, как это получилось, но мы оба, хоть и хотели как лучше, всегда почему-то друг другу мешали. Только, к примеру, соберусь я подняться по лестнице, как жена в это самое время спускается вниз. Хочет спуститься Селина – наверх иду я. Ничего не попишешь, такова супружеская

жизнь — моя, во всяком случае.

После пяти лет подобных недоразумений всевидящему Провидению угодно было, дабы избавить нас друг от друга, призвать мою супругу на небеса, и я остался вдвоем со своей крошкой Пенелопой, нашим единственным ребенком. В скором времени скончался и сэр Джон, и миледи, так же как и я, осталась одна со своей маленькой дочкой — других детей не было и у нее. Пенелопа росла на глазах у моей госпожи, о чьей доброте мне следовало бы написать обстоятельнее. Сообразительную девочку отдали в школу, когда же она выросла, ее определили в горничные к мисс Рейчел.

Должность управляющего я занимал вплоть до Рождества 1847 года, когда в моей жизни произошла перемена. В тот день миледи удостоила меня своим посещением. Заметив за чашкой чая, что с тех пор, как я поступил пажом к старому лорду, прошло более пятидесяти лет, она преподнесла мне в подарок за безупречную службу связанный ей самой великолепный шерстяной жилет, в котором не страшна самая суровая зима.

Я не находил слов, дабы выразить моей госпоже благодарность за оказанную мне честь. Выяснилось, однако, что жилет был не честью, а подкупом. Миледи обнаружила, что я старею, раньше, чем это обнаружил я сам, и нанесла мне визит, дабы лестью уговорить меня отказаться от тяжелой, сопряженной с разъездами и хлопотами работой управляющего и остаток дней провести на покое в должности дворецкого

у нее в доме. Предложение это я счел неподобающим и попытался было сопротивляться, но моя госпожа хорошо знала, чем меня подкупить, и сказала, что, согласившись, я пойду ей навстречу. Закончился наш спор тем, что я, старый дурак, вытер глаза своим вязаным жилетом и обещал, что подумаю.

Визит леди Джулии меня ужасно расстроил, и после ее ухода я обратился к средству, которое в тяжкие минуты сомнений и невзгод никогда еще меня не подводило. Я закурил трубку и раскрыл «Робинзона Крузо». Не прошло и пяти минут, как на странице пятьдесят восьмой мне попалось следующее изречение, примирившее меня с действительностью: «Сегодня мы любим то, что возненавидим завтра». По прочтении этих слов я воспрял духом. Сегодня я ни за что не хочу расставаться с должностью управляющего, завтра же – если верить «Робинзону Крузо» – мне захочется чего-то совсем другого. Перенесись мыслями в завтрашний день – и все будет в порядке. Успокоившись, я лег в тот вечер в постель управляющим леди Вериндер, а наутро проснулся ее дворецким. Проснулся в прекрасном настроении. А все благодаря «Робинзону Крузо».

Моя дочь Пенелопа только что заглянула мне через плечо – справиться, сколько я уже написал. Получилось прекрасно, заметила она, и ведь все – чистая правда. Но одно замечание она все же сделала. «Ты пишешь, – сказала она, – совсем не о том, о чем следовало. Тебя просили написать про Лунный камень, а ты пишешь о себе». Странно, сам не пойму, поче-

му так получилось. Интересно, джентльмены, которые зарабатывают на жизнь сочинительством, тоже подменяют своих персонажей самими собой? В таком случае я им не завидую. Стало быть, и на этот раз ничего не получилось. Как же теперь быть? А вот как. Вам – не терять терпения. А мне – не отчаиваться и начать все с самого начала, в третий раз.

Глава III

Для решения вопроса о том, с чего следует начать мой рассказ, я первым делом почесал в голове – безрезультатно. А затем обратился за советом к Пенелопе, которая навела меня на совершенно новую мысль.

По мнению Пенелопы, записи я должен вести с того дня, как стало известно, что к нам приезжает мистер Франклин Блейк. Когда возвращаешься мыслью к какой-нибудь дате, чего только в связи с ней не приходит в голову. Вот только вспомнить эту дату удастся далеко не всегда. На помощь пришла Пенелопа: предложила воспользоваться своим дневником. Вести дневник ее приучили еще в школе, и ведет она его по сей день. Я предложил, чтобы она, справляясь по своему дневнику, записывала события вместо меня, однако Пенелопа покраснела и срывающимся от раздражения голосом заявила, что предназначен дневник только для нее самой и никому на свете она не даст в него заглянуть. Когда же я поинтересовался, как это следует понимать, моя дочь ответила:

«Понимай как знаешь!» Любовные дела, не иначе, решил я.

Итак, начинаю, по совету Пенелопы, вести записи с того дня, когда утром в среду, 24 мая 1848 года, меня вызвали в кабинет миледи.

— Гэбриэл, — сказала леди Джулия, — у меня для вас сюрприз. Из-за границы вернулся в Англию Франклин Блейк. Завтра он приезжает к нам из Лондона, где гостит у отца. Пробудет у нас месяц и отпразднует с нами день рождения Рейчел.

Держи я в руке шляпу, только уважение к моей госпоже помешало бы мне подбросить ее до потолка. Мистера Франклина я не видел с тех самых пор, как он мальчиком жил у нас в этом доме. Сколько помню, среди мальчишек, запускаящих волчки или бивших окна, ему не было равных. В ответ на эти мои слова мисс Рейчел — она присутствовала при нашем разговоре — заметила, что, на *ее взгляд*, свет не выдал более свирепого потрошителя кукол и более безжалостного кучера, который запрягал бедную девочку и гонял ее по двору до полного изнеможения. «Каждый раз, когда я вспоминаю Франклина Блейка, меня охватывает негодование и я валюсь с ног от усталости», — подытожила мисс Рейчел.

Если у вас возникнет закономерный вопрос, почему мистер Франклин все эти годы, с детских лет до настоящего времени, прожил за границей, я отвечу: потому что его отец имел несчастье быть прямым наследником герцога, однако доказать это оказался не в состоянии.

Вот как обстояло дело.

Старшая сестра леди Джулии вышла замуж за знаменитого мистера Блейка, который прославился как своим баснословным богатством, так и громким и нескончаемым судебным процессом. Не берусь сказать, сколько лет ходил он по судам, дабы лишить сына герцога его владений и присвоить их себе, сколько стряпчих нажились на нем и сколько ни в чем не повинных людей поссорились в спорах о том, на чьей стороне правда. Тяжба продолжалась столько лет, что, прежде чем суды, отказавшись брать с Блейка деньги, захлопнули перед ним двери, он успел похоронить жену и двух из трех своих детей. Когда все было кончено и владениям сына герцога ничего уже больше не угрожало, мистер Блейк счел, что единственный способ рассчитаться со своим отечеством за то, как оно с ним обошлось, – это лишить Англию чести воспитывать его сына. «Могу ли я положиться на мои национальные учреждения после того, как мои национальные учреждения обошлись со *мною*?» Если к этому прибавить, что мистер Блейк терпеть не мог мальчишек, в том числе и мальчишку своего собственного, то будет понятно, что ничем иным дело кончиться не могло. Юный Франклин был увезен из Англии и отправлен в *такую* страну и в *такие* учебные заведения, на которые мистер Блейк смело мог положиться. Такой, в высшей степени надежной, страной стала Германия. Сам же мистер Блейк, обратите внимание, преспокойно остался в Англии, чтобы наставлять в парламен-

те своих соотечественников на путь истинный, а также чтобы во всех подробностях изложить на бумаге обстоятельства своей тяжбы с сыном герцога; сей труд мистер Блейк не завершил по сей день.

Ну вот! Это я, с Божьей помощью, вам рассказал! Не будем больше забивать себе голову мистером Блейком. Пусть занимается своим герцогским титулом, а мы займемся Лунным камнем.

А значит – мистером Франклином, ведь это он, не подозревая о последствиях, привез нам сей злосчастный брильянт.

Уехав за границу, наш славный мальчик про нас не забыл. Время от времени он нам писал, иногда – миледи, иногда – мисс Рейчел, иногда – мне. Перед отъездом он одолжил у меня моток бечевки, перочинный нож с четырьмя лезвиями и семь шиллингов и шесть пенсов, которые, заметьте, я до сих пор не получил – и вряд ли получу. Мне он писал главным образом для того, чтобы занять еще денег. От миледи, однако, я слышал, что из Европы он уезжать не собирался, что повзрослел и остепенился. Обучившись всему тому, чему могли научить его в немецких учебных заведениях, он перебрался во Францию, а оттуда – в Италию, где, насколько я мог судить, его носили на руках. И то сказать, он немного писал, немного рисовал, немного пел, играл, сочинял музыку и, подозреваю, не гнушался брать в долг точно так же, как некогда брал у меня. Когда он достиг совершен-

нолетия, ему досталось состояние его матери (семьсот фунтов в год), которым, надо сказать, дорожил он не слишком. Чем больше денег у него водилось, тем больше их ему не хватало; в кармане мистера Франклина зияла огромная прореха, зашить которую не представлялось возможным. Где бы он ни оказывался, его, человека светского и обаятельного, всегда ожидал радушный прием. Он жил где и как придется. Писать ему надо было по адресу, который он сам себе выдумал: «Европа. До востребования». Два раза он уж было решился вернуться в Англию и нас повидать, и оба раза (сообщаю по секрету) некая неведомая особа расстраивала его планы. Третья попытка, как вы уже знаете, удалась. В четверг, 25 мая, нам предстояло впервые увидеть, в кого превратился наш славный мальчик – ныне уже двадцатипятилетний мужчина, обладавший благородным происхождением и мужественным нравом. Теперь, накануне приезда мистера Блейка, вы знаете про него не меньше, чем я.

В четверг стояла чудесная летняя погода и миледи с дочерью (не ожидая мистера Франклина раньше обеда) отправились завтракать к каким-то своим друзьям по соседству.

Когда они уехали, я наведалься в спальню, предназначенную для нашего гостя, и убедился, что там наведен полный порядок. После чего, поскольку я был не только дворецким, но и буфетчиком миледи (причем по моей собственной просьбе, ибо мне не хотелось, чтобы кто-то другой владел

ключами от винных погребов покойного сэра Джона), я извлек из погреба наше знаменитое латурское бордо и выставил бутылку на солнце, чтобы вино согрелось перед обедом. Согреться на солнце перед обедом в этот погожий летний день не мешало и мне, ведь то, что пойдет на пользу старому бордо, пойдет на пользу и старым костям. Я вынес на задний двор свой стул с полукруглой спинкой, и тут до меня донесся звук, напоминавший приглушенный барабанный бой и раздававшийся с террасы под окнами миледи.

Я обошел дом и обнаружил трех темнокожих индусов в белых полотняных рубашках и таких же штанах; они стояли на террасе и во все глаза смотрели в окна.

На шеях у индусов висели маленькие барабаны, а у них за спиной с мешком в руках стоял худенький светловолосый английский мальчик. Я счел, что индусы – бродячие фокусники, а мальчик с мешком носит их реквизит. Один из индусов – он говорил по-английски и отличался, должен отдать ему должное, самыми изысканными манерами – подтвердил мою догадку и попросил разрешения показать фокусы хозяйке дома.

Должен сказать, что меланхолия мне чужда, люблю забавы и развлечения и никогда бы не отказал в доверии человеку только оттого, что кожа у него чуть темнее моей. Но ведь даже у лучших из нас имеются свои слабости – вот и я, если корзина с фамильным серебром стоит на столе в кладовой, никогда не спущу с нее глаз в присутствии чужеземца, пусть

даже воспитан этот чужеземец много лучше меня. А потому я сообщил индусу, что хозяйки нет дома, и велел ему и его спутникам покинуть террасу. В ответ индус вежливо мне поклонился, и они ушли. Я же воротился на задний двор, вновь опустил на стоявший на солнце стул и погрузился (не буду скрывать) если не в сон, то в состояние, к нему весьма близкое.

Разбудила меня моя дочь Пенелопа, она подбежала ко мне, да так быстро, как будто в доме начался пожар. И чем же, по-вашему, было вызвано ее появление? А вот чем. Она потребовала, чтобы трое индийских фокусников были немедленно задержаны, ибо они наверняка проведали, кто приезжает к нам из Лондона, и, стало быть, мистеру Франклину Блейку грозит опасность.

Услышав имя мистера Франклина, я открыл глаза и попросил Пенелопу рассказать, что произошло.

Оказалось, что Пенелопа только что вернулась из сторожки привратника, где она сплетничала с его дочерью и видела, как из ворот выходили в сопровождении маленького мальчика индусы, те самые, кому я приказал покинуть дом миледи. Возомнив, что иноземцы дурно обращаются с худеньким хорошеньким английским мальчиком, девушки прокрались вдоль живой изгороди, отделявшей поместье от дороги, чтобы посмотреть, как поведут себя незваные пришельцы. Повели же они себя несколько необычным образом.

Первым делом они оглядели дорогу, дабы убедиться, что

кругом никого нет. Потом повернулись к нашему дому и стали пристально в него всматриваться, а потом, глядя друг на друга с некоторым сомнением, пустились на своем наречии в спор, после чего все трое повернулись к мальчику с таким видом, будто ожидали от него помощи, и главный индус, тот, кто говорил по-английски, сказал мальчику: «Протяни руку».

Прервав свой рассказ, Пенелопа сказала, что, когда она слышала эти страшные слова, сердце у нее ушло в пятки. И ушло бы, подумал я про себя, если б не корсет. А вслух сказал: «Я бы умер со страху». (*Nota bene*: женщины любят, когда им поддакивают.)

Когда индус сказал: «Протяни руку», мальчик от него отшатнулся, замотал головой и ответил, что протягивать руку ему не хочется. Тогда индус спросил его, причем довольно ласково, уж не хочет ли он, чтобы его отправили обратно в Лондон и оставили на рынке, где он, голодный, оборванный и бесприютный, спал в пустой корзине и где индусы его подобрали. Как видно, вопрос этот подействовал, потому что мальчик, хоть и неохотно, протянул индусу руку. Индус извлек из-за пазухи бутылку и вылил мальчику на ладонь какую-то черную жидкость, похожую на чернила. Потом, коснувшись рукой головы мальчика и сделав пальцами в воздухе какие-то таинственные знаки, сказал: «Гляди». Мальчик замер на месте и устремил неподвижный взгляд на чернила, налитые ему на ладонь.

(«Какие-то дурацкие фокусы и бессмысленная трата чернил», – подумал было я и уже собирался вновь погрузиться в сон, но дальнейший рассказ Пенелопы окончательно меня разбудил.)

Индусы еще раз оглядели дорогу, после чего их предводитель сказал мальчику:

– Видишь английского джентльмена, приехавшего из чужих краев?

– Да, вижу, – ответил мальчик.

– Английский джентльмен приедет сегодня в этот дом по этой дороге и не по какой другой?

– Английский джентльмен приедет в этот дом по этой дороге и не по какой другой.

Немного помолчав, индус задал мальчику третий вопрос:

– У английского джентльмена *эта вещь* с собой?

– Да, – ответил мальчик, и тоже не сразу.

И тогда индус задал мальчику четвертый и последний вопрос:

– Английский джентльмен приедет, как обещал, в конце дня?

– Не могу сказать, – ответил мальчик.

Индус спросил почему, и мальчик ответил:

— Я устал. У меня в голове туман, он застилает мне взгляд. Сегодня я больше ничего не вижу.

Больше вопросов не последовало. Главный индус что-то сказал своим спутникам на их языке и указал пальцем на мальчика и на город, где (как мы выяснили в дальнейшем) индусы поселились. Потом, вновь сделав какие-то знаки над головой мальчика, подул ему на лоб. Мальчик вздрогнул и очнулся. После этого все четверо направились в сторону города и больше девушки их не видели.

Говорят, что из всего, если как следует постараться, можно извлечь какой-то смысл. Какой же смысл можно извлечь из рассказа Пенелопы?

Во-первых, главный фокусник услышал о приезде мистера Франклина от прислуги, говорившей об этом у ворот в усадьбу, и решил, что можно будет кое-что заработать. Во-вторых, он, его спутники и мальчик вознамерились (с целью заработать эти деньги) побродить где-нибудь поблизости до приезда миледи, а потом вернуться и чудесным образом предсказать ей приезд мистера Франклина. В-третьих, Пенелопа слышала, как они репетируют свои фокусы, так же как актеры репетируют пьесу. В-четвертых, сегодня вечером будет нелишне присмотреть за фамильным серебром. И наконец, в-пятых, Пенелопе стоило бы прийти в себя и дать мне, своему отцу, еще разок вздремнуть на летнем солныш-

ке.

Выводы, которые я сделал, показались мне вполне разумными. Однако если вы хоть немного знаете молодых женщин, то ничуть не удивитесь, скажи я вам, что Пенелопа придерживалась иного мнения. Если верить моей дочери, все было куда серьезнее. Она напомнила мне третий вопрос индуса: «У английского джентльмена *эта вещь* с собой?»

– Отец, – воскликнула Пенелопа, стиснув руки. – Шутки плохи! Что он имел в виду под «этой вещью»?

– Мы спросим мистера Франклина, доченька, – сказал я. – Если, конечно, ты готова немного подождать. – И я подмигнул, давая дочери понять, что шучу.

Но Пенелопе было не до шуток. Настроена она была более чем серьезно. Ее озабоченный вид насмешил меня.

– Но при чем здесь мистер Франклин? – спросил я. – Ему-то откуда знать?

– Спросите его, – сказала Пенелопа. – Увидим, готов ли он посмеяться вместе с вами.

И, выпустив в меня последнюю стрелу, Пенелопа удалась.

После ее ухода я решил, что задам мистеру Франклину этот вопрос, – чтобы хоть немного успокоить Пенелопу. О моем с ним разговоре, состоявшемся в тот же день, и о том, что он ответил на мой вопрос, вы вскоре узнаете. Но поскольку мне не хотелось бы вас разочаровывать, то сразу же, прежде чем двинуться дальше, предупреждаю: в нашем

с ним разговоре о фокусниках не было ровным счетом ничего смешного. К моему величайшему удивлению, мистеру Франклину, как и Пенелопе, было не до смеха. Вы поймете, насколько серьезно он отнесся к этой истории, если я скажу вам, что, по его мнению, «этой вещью» был Лунный камень.

Глава IV

Мне, право же, стыдно занимать ваше внимание собой и своим стулом с полукруглой спинкой. Отдаю себе отчет: сонный старик на залитом солнцем заднем дворе – тема не самая интересная. Но ведь из рассказа слова не выкинешь, а потому в ожидании прибытия мистера Франклина Блейка, уж пожалуйста, не побрезгуйте еще некоторое время моим обществом.

После ухода Пенелопы я вновь ненадолго задремал, и разбудил меня звон посуды в людской – обед, стало быть, готов. Обедаю я у себя в комнате, а не вместе со слугами, а потому мне оставалось лишь пожелать им приятного аппетита и вновь опуститься на стул. Однако не успел я откинуться на спинку и вытянуть ноги, как ко мне опять подбежала женщина, на этот раз не моя дочь, а Нэнси, посудомойка. Я поднялся ей навстречу и, когда она попросила дать ей пройти, обратил внимание, что вид у нее угрюмый, а поскольку слуги находятся у меня в подчинении, я, если вижу, что они чем-то недовольны, в обязательном порядке ставлю им это на вид

и требую разъяснений.

— Что это ты убежала из-за стола? — осведомился я. — Что случилось, Нэнси?

Нэнси попыталась было проскользнуть мимо, ничего не ответив, но я преградил ей дорогу и взял за ушко. Девушка она премиленькая, эдакая прелестная толстушка, и если я беру служанку за ухо, то тем самым даю понять, что питаю к ней симпатию.

— Что же случилось? — повторил я свой вопрос.

— Розанна опять опаздывает к обеду, и меня послали за ней, — ответила Нэнси. — В этом доме мне всегда достается самая тяжелая работа. Дайте же мне пройти, мистер Беттередж!

Розанна была нашей горничной, к которой я испытывал жалость (и в скором времени вы узнаете, по какой причине), а потому, увидев по лицу Нэнси, что за эту мелкую провинность она Розанну наверняка как следует отчитает, я вдруг сообразил, что делать мне сейчас нечего и я вполне могу сходить за Розанной сам, попенять ей и велеть впредь быть пунктуальнее — уж на меня-то она не обидится.

— А где Розанна? — спросил я у Нэнси.

— На Песках, где ж еще! — Она тряхнула головой. — Сегодня утром она опять грохнулась в обморок, с ней это бывает, и отпросилась подышать свежим воздухом. Нет с ней сладу!

— Ступай за стол, душенька, — сказал я. — Я с ней слажу.

Нэнси на отсутствие аппетита не жаловалась и осталась

поэтому моим предложением вполне довольна. А когда она довольна, то хорошеет на глазах, и тогда я щекочу ее подбородком. Привычка, ничего аморального.

И, взяв палку, я отправился на Пески.

Должен вновь повиниться, что отвлекаюсь, но, прежде чем идти дальше, вы обязательно должны выслушать мой рассказ о Песках и о Розанне, ибо история Лунного камня связана с ними напрямую. Вот ведь напасть: изо всех сил стараюсь не отвлекаться – и никак не получается! Ничего не поделаешь, люди и вещи так между собой в этой жизни переплелись, что одних без других не поймешь. Не будем отчаиваться, не будем затягивать наш рассказ, и совсем скоро, обещаю, мы погрузимся с головой в тайну Лунного камня!

Розанна (начнем из приличия с нее, а не с Песков) была в нашем доме единственной новой служанкой. Месяца четыре назад миледи, находясь в Лондоне, поехала в исправительное заведение, где перевоспитывались отсидевшие срок преступницы. Заметив, что ее светлость проявила к заведению интерес, заведующая указала ей на девушку по имени Розанна Спирмен и рассказала столь печальную историю ее жизни, что не берусь ее здесь воспроизвести; не люблю без необходимости трепать себе нервы – да и вы, думаю, тоже. Розанна Спирмен, вкратце говоря, была воровкой, а поскольку обворовывала она не тысячи людей, не состояла в лондонских воровских шайках, а крала по мелочи, то попала за решетку, а из тюрьмы, в соответствии с законом, была переведена в ис-

правительственное заведение. О Розанне (несмотря на ее прежние занятия) заведующая была самого высокого мнения. «Попади наша Розанна в руки истинной христианки, – сказала заведующая, – она проявила бы себя с лучшей стороны». На что миледи (более праведной христианки свет не видывал) ответила: «Я дам ей шанс проявить себя в моем доме с лучшей стороны». И спустя неделю Розанна Спирмен поступила к нам второй горничной.

В историю девушки посвящены были только два человека: мисс Рейчел и я. Миледи изволит обращаться ко мне за советом по многим вопросам – посоветовалась и по поводу Розанны. Переняв у покойного сэра Джона привычку ни в чем леди Джулии не перечить, я с готовностью поддержал ее в решении взять Розанну на работу.

Нашей бедной девушке необычайно повезло. Попрекать ее прошлым слуги не могли, так как история ее жизни была им неизвестна. Как и все служанки, она исправно получала жалованье и пользовалась такими же, как они, привилегиями, к тому же миледи время от времени вызывала ее к себе обласкать и ободрить. Розанна, должен признать, вполне заслуживала ласкового обращения своей госпожи. Крепким здоровьем она не отличалась, страдала, как мы уже знаем, обмороками, однако обязанности свои выполняла безукоризненно, никогда не жаловалась, держалась скромно и с достоинством, при этом с другими служанками дружбы не водила, за исключением разве что моей дочери Пенелопы,

которая всегда была с Розанной ласкова, хотя близкими подругами они так и не стали.

Трудно сказать, чем она прислуге не угодила. Вызывать зависть она, дурнушка, никак не могла. Мало того что Розанна была самая некрасивая девушка во всем доме – она была вдобавок кособока, одно плечо было у нее выше другого. Думаю, слугам больше всего претили ее замкнутость и склонность к уединению. В часы досуга, когда другие служанки болтали и сплетничали, Розанна читала или занималась рукоделием. В свободный же день она надевала шляпку и уходила со двора – по большей части в полном одиночестве. Она никогда ни с кем не ссорилась, ни на кого не обижалась, была со всеми неизменно вежлива, но близко не сходилась ни с кем. К этому следует добавить, что, хотя красотой Розанна не отличалась, было в ней нечто, отличавшее ее от простой служанки. То ли голосом, то ли лицом походила она на благородную госпожу. С самого первого дня, когда она поступила к нам на службу, в людской подметили это сходство, и пошли разговоры (замечу, без всяких на то оснований), что новенькая – «благородных кровей», поэтому и задается.

Теперь, когда вы знаете историю Розанны, этого во всех отношениях необычного создания, перехожу к рассказу о Песках.

Наш йоркширский дом стоит на возвышении, неподалеку от моря. Вокруг сколько угодно живописных мест для прогулок. Есть, впрочем, одно направление, куда ходить не сле-

дует, места там – хуже не бывает. Сначала с четверть мили идешь по мрачноватому еловому лесу, а потом, миновав низкие утесы, спускаешься в бухту, безобразней и пустыней которой нет на всем нашем берегу.

Здесь песчаные дюны сбегают к морю, откуда друг против друга выступают две остроконечные скалы, теряющиеся в воде. Одна скала называется Северной, другая – Южной. Между ними, поднимаясь и оседая в зависимости от времени года, протянулись самые зловещие зыбучие пески на всем йоркширском побережье. Во время отлива что-то происходит в их неведомой пучине, поверхность Песков начинает вдруг колебаться самым фантастическим образом, отчего местные жители и прозвали эти дюны Зыбучими песками. Огромная отмель, что протянулась на полмили вдоль устья бухты, сдерживает напор океана. Зимой и летом, во время прилива, море, чьи волны плещутся за отмелью, бесшумно накатывается на дюны и их заливают. Заброшенное, жуткое место, можете мне поверить! Ни один лодочник не осмелится зайти в эту бухту, ни один ребенок из нашей рыбацкой деревни Коббс-Хоул никогда не прибежит сюда поиграть. Кажется, не залетают сюда даже птицы. Невозможно себе представить, чтобы молодая женщина, которой есть с кем и куда пойти, стоит ей только сказать: «Пойдемте!» – пришла бы сюда с книгой или с шитьем, когда у нее выдаться час-другой свободного времени. И тем не менее, хотите верьте, хотите нет, но именно это место облюбовала себе Ро-

занна Спирмен. Случалось, правда, она раз-другой ходила не на Пески, а в Коббс-Хоул навестить свою единственную здешнюю подругу, о которой еще будет сказано. Вот туда-то, на Пески, я и отправился за Розанной, дабы отвести ее домой обедать. С этого места я и продолжу свой рассказ.

В еловом лесу девушку я не встретил; она сидела на берегу в своей соломенной шляпке и в неказистом сером плаще, который она надевает, чтобы, насколько это возможно, скрыть свою кособокость. Сидела, как всегда, в полном одиночестве и смотрела на дюны и на море.

Когда я подошел, она вздрогнула и от меня отвернулась. Как и положено дворецкому, в чьем подчинении находится прислуга, я не допускаю, чтобы горничная, если я к ней обращаюсь, не смотрела мне в глаза, а потому я повернул Розанну к себе лицом и тут только увидел, что она плачет. В кармане у меня лежал фуляровый носовой платок, один из шести превосходных носовых платков, которые подарила мне миледи. Я извлек его из кармана со следующими словами:

– Пойдем-ка, моя дорогая, сядем вместе на берегу. Я вытру тебе глаза, а потом, с твоего разрешения, полюбопытствую, отчего ты плачешь.

Когда доживете до моих лет, то узнаете: для того чтобы опуститься на песок, вам потребуется гораздо больше времени, чем требовалось раньше. Пока я усаживался, Розанна вытерла глазки своим носовым платком, не чета моему – дешевым, льняным. Вид у нее был очень несчастный, однако ж

она меня послушалась и безропотно села на песок рядом со мной. Если хотите поскорей утешить женщину, посадите ее себе на колени. Я вспомнил это золотое правило, но Розанна – увы! – не Нэнси, и тут уж ничего не поделаешь.

– Ну-ка рассказывай, о чем ты плакала? – спросил я.

– О прожитом, мистер Беттередж, – едва слышно ответила Розанна. – Я порой вспоминаю свою прежнюю жизнь.

– Будет, будет, моя дорогая! – сказал я. – Что было, то прошло, к чему вспоминать старые грехи, ты ведь их давно искупила.

Розанна взяла меня за лацкан сюртука. В старости я стал неопрятен и, когда ем и пью, пачкаю одежду. То одна служанка, то другая чистит мне платье. Накануне Розанна вывела пятно с моего сюртука каким-то новым составом, который уничтожает любые пятна. Жир сошел, но на ворсе осталось едва заметное пятнышко. Девушка показала мне на него и покачала головой.

– Пятно выведено, – сказала она, – но след остался, мистер Беттередж, след остался!

Это замечание застало меня врасплох, и я не нашелся что ответить. В эту минуту мне почему-то стало ее очень жаль. Да, Розанна не отличалась красотой, но у нее были чудесные карие глаза, и глаза эти смотрели на меня с уважением к моим преклонным годам, к моей безупречной репутации, ко всему тому, чего ей не достичь никогда. И сердце мое наполнилось состраданием к нашей второй горничной. Утешить ее

я был не в силах, мне оставалось лишь отправить ее обедать.

– Помоги мне встать, – сказал я. – Ты опоздала к обеду, и я пришел отвести тебя домой.

– Вы, мистер Беттередж?!

– За тобой послали Нэнси, но я счел, что, если распеку тебя я, ты не будешь на меня в обиде, правда ведь, дорогая?

Вместо того чтобы помочь мне встать, бедняжка коснулась моей руки и тихонько пожала ее. Она чуть было вновь не расплакалась, но сдержалась, и ее выдержку я оценил по достоинству.

– Вы очень добры, мистер Беттередж, – сказала Розанна. – Позвольте мне сегодня пропустить обед и остаться здесь подольше.

– Скажи, почему эти печальные места так тебе нравятся? – спросил я – Что тебя тянет на берег?

– Да, что-то меня сюда притягивает, – сказала девушка, рисуя пальцем на песке. – Изю всех сил стараюсь в эту бухту не ходить – и не могу. Иной раз... – прибавила она совсем тихо, будто пугаясь собственной фантазии, – иной раз, мистер Беттередж, мне начинает казаться, что здесь меня поджидает моя могила...

— Тебя поджидают жареная баранина и пудинг с почками! — вскричал я. — Ступай сейчас же обедать. Вот что бывает, Розанна, если рассуждать на голодный желудок!

Я повысил голос, ибо пришел в негодование оттого, что двадцатипятилетняя женщина говорит о близкой смерти. И кому? Старику моих лет!

Казалось, Розанна не слышит моих слов. Она положила руку мне на плечо, чтобы я остался сидеть с ней рядом.

— Мне мнится, — сказала она, — что это место околдовало меня. Оно снится мне каждую ночь, я не перестаю думать о нем, когда убираю или шью. Знаете, мистер Беттередж, я так вам благодарна, я стараюсь заслужить вашу доброту и доверие ко мне ее светлости. Но, бывает, я задаюсь вопросом, не слишком ли спокойна, не слишком ли благополучна эта жизнь для такой, как я, после всего, что мне досталось, мистер Беттередж, после всего, что я перенесла. Мне более одиноко дома, среди слуг, чем здесь, ведь я чувствую, что я не такая, как они. И ее светлость, и заведующая исправительным домом даже не подозревают, каким тяжким укором кажутся такой, как я, честные люди. Не ругайте меня, милый, добрый вы человек! Я свою работу выполняю, так ведь? Пожалуйста, не говорите ее светлости, что я недовольна. Нет, я всем довольна — просто иногда мне тяжело на душе, только и всего... — Она сняла руку с моего плеча и внезапно указала пальцем на пески. — Смотрите, — сказала она, — не удивитель-

но ли? Не ужасно ли? Я видела это десятки раз, и каждый раз – как будто впервые!

Я взглянул, куда она указывала. Начался прилив. И страшный песок вдруг словно бы содрогнулся. Его бурая поверхность стала судорожно вздыматься, а потом будто покрылась рябью и задрожала.

– Знаете, на что это похоже? – сказала Розанна, вновь вцепившись мне в плечо. – Это похоже на то, как будто сотни людей задыхаются под этим песком, они силятся выбраться на поверхность – и всё глубже и глубже погружаются в эту бездонную пучину! Бросьте камень, мистер Беттередж! Бросьте камень, и вы увидите, как его втягивает в себя песок!

Воспаленное воображение! Вот что бывает, когда в животе пусто, а на душе тяжело! Я уже приготовился было прочесть Розанне суровую отповедь (в интересах бедной девушки, могу вас заверить!), но тут из-за дюн чей-то голос назвал меня по имени:

– Беттередж, где вы?

– Я здесь! – крикнул я в ответ, совершенно не представляя, кто бы это мог быть.

Розанна вскочила и повернулась в ту сторону, откуда раздавался голос. Поднялся бы с песка и я, если б не внезапная перемена в выражении лица девушки.

Бледные ее щеки окрасились нежным румянцем, чего раньше никогда не было. Изумление, от которого Розанна словно бы вся светилась, было столь велико, что она лиши-

лась дара речи и застыла на месте, затаив дыхание.

– Кто это? – спросил я Розанну.

– Кто это? – эхом отозвалась Розанна на мой вопрос. – Боже, кто это?! – вполголоса повторила она, точно обращалась не ко мне, а к самой себе.

Я повернул голову, чтобы видеть, что происходит у меня за спиной. Из-за дюн появился и направился в нашу сторону светлоглазый молодой джентльмен в отлично сшитом песочного цвета костюме и в перчатках и шляпе костюму под стать, с розой в петлице и с такой широкой, располагающей к себе улыбкой, что даже Зыбучие пески не смогли бы не улыбнуться в ответ. Прежде чем я сумел подняться, молодой человек уселся на песок рядом со мной и, как это принято в Европе, обнял меня за шею, да так крепко, что я едва не выпустил дух.

– Старый добрый Беттередж! – воскликнул он. – Я ведь вам должен семь шиллингов и шесть пенсов. Ну что, теперь узнали?

Господь всемогущий! Да это ж мистер Франклин Блейк, которого мы ждали четыре часа позже!

Не успел я ответить на приветствие мистера Франклина, как обратил внимание, с каким удивленным видом переводит он взгляд с меня на Розанну. Посмотрел на девушку и я. Как видно, она перехватила взгляд мистера Франклина, отчего покраснела еще больше, а затем, не сделав Блейку реверанс и не сказав мне ни слова, в замешательстве, причину

которого я не мог постичь, повернулась к нам спиной и удалилась. Я ее не узнавал: более вежливой и благовоспитанной служанки мне еще встречать не приходилось.

– Странная, однако, девушка, – сказал мистер Франклин. – Интересно, чем это я так ее удивил?

– Смею предположить, сэр, – ответил я, подтрунивая над континентальным обхождением нашего юного джентльмена, – что удивил ее ваш заграничный лоск.

Привожу здесь небрежный вопрос мистера Франклина и мой глупый ответ в утешение и поощрение всем глупцам, ибо я давно заметил: ограниченным особам приятно сознавать, что люди, куда более умные, чем они, нередко ведут себя столь же глупо. Как бы то ни было, ни мистеру Франклину с его безупречным заграничным воспитанием, ни мне в моем почтенном возрасте с моими жизненным опытом и природной сметкой не пришло бы в голову, чем вызвано необъяснимое поведение Розанны Спирмен. Впрочем, не успел еще серый плащ девушки скрыться в дюнах, а мы уже забыли о ее существовании. И что с того? – зададите вы вполне резонный вопрос и будете правы. Читайте же дальше, друг мой, наберитесь терпения, и, как знать, быть может, вы так же пожалеете Розанну Спирмен, как пожалел ее я, когда узнал всю правду.

Глава V

Когда мы остались одни, я первым делом предпринял третью попытку подняться с песка. Мистер Франклин, однако, меня остановил.

— У этого зловещего места есть одно преимущество, — сказал он. — Здесь нас с вами никто не слышит. Оставайтесь сидеть, как сидели, Беттередж, я должен вам кое-что сказать.

Я смотрел на него и тщетно пытался обнаружить хотя бы отдаленное сходство между сидящим рядом мужчиной и мальчиком, чей облик сохранился в моей памяти. В мистере Блейке не было и намека на розовощекого мальчугана в аккуратном костюмчике. Теперь он был бледен, а нижняя часть лица, к моим удивлению и разочарованию, заросла кудрявой каштановой бородкой и усами. Спору нет, своими обаянием, живостью он очень к себе располагал, но от мальчишеской непринужденности не осталось и следа. Мало того: в детстве он обещал быть высоким, но обещания не сдержал. Он был гибок, строен и хорошо сложен, но даже до среднего роста ему не хватило пары дюймов. Одним словом, вид его меня озадачил: он был неузнаваем, если не считать его прямого открытого взгляда. Взгляд этот совершенно не изменился, решил я и на этом свои физиогномические разыскания прекратил.

— Добро пожаловать в родные пенаты, мистер Франклин, —

сказал я. – Тем приятнее видеть вас, сэр, что прибыли вы на несколько часов раньше, чем мы вас ждали.

– Я приехал раньше, чем собирался, вовсе не случайно, – ответил мистер Франклин. – Подозреваю, Беттередж, что последние три-четыре дня за мной в Лондоне была установлена слежка, и я приехал с утренним, а не с дневным поездом, чтобы ускользнуть от некоего смуглого чужеземца.

Его слова меня насторожили. Я сразу же вспомнил о трех фокусниках и о предположении Пенелопы, что эти фокусники представляют для мистера Франклина Блейка опасность.

– Кто за вами следит, сэр, и почему? – поинтересовался я.

– Расскажите мне о трех индусах, побывавших сегодня в вашем доме, – продолжал мистер Франклин, не обратив никакого внимания на мой вопрос. – Очень может быть, Беттередж, что мой иноземец и ваши три фокусника заодно.

– А как вы узнали о фокусниках, сэр? – задал я второй подряд вопрос, хотя не получил еще ответа на первый, что, не буду спорить, – дурной тон. Но человек – всякий человек – не безупречен, и я в том числе.

– По приезде я разговаривал с Пенелопой, и она мне все рассказала. Ваша дочь, Беттередж, в детстве обещала быть прехорошенькой и наших надежд не обманула. У нее маленькие ушки и маленькие ножки. Скажите, миссис Беттередж отличалась этими неопценимыми достоинствами?

– Если покойная миссис Беттередж, сэр, чем и отличалась, так это, позвольте заметить, неспособностью сосредоточить-

ся. Она больше походила на муху, чем на женщину. Посидит с минуту и улетит.

– Она бы мне подошла, – сказал мистер Франклин. – Я тоже не могу ни на чем сосредоточиться. Ваше сравнение, Беттередж, как всегда, – не в бровь, а в глаз. Ваша дочь это подтвердила, когда я расспрашивал ее о фокусниках. «Отец все вам расскажет, – сказала она. – Для своего возраста он превосходно сохранился: за словом в карман не лезет». Именно так и сказала, да еще покраснелась – хороша, слов нет. При всем уважении к вам, Беттередж, я не удержался и... А впрочем, не важно, я ведь знал ее совсем еще ребенком, и хуже она, право же, за это время не стала. Но – шутки в сторону. Что тут делали фокусники?

Я остался дочерью недоволен – нет, вовсе не потому, что она позволила мистеру Франклину себя поцеловать, мистер Франклин имеет на это право. Недоволен Пенелопой я остался оттого, что она заставила меня пересказывать эту глупую историю, да еще с ее слов. Но делать было нечего, пришлось рассказывать все сначала и во всех подробностях. Оптимизм мистера Франклина таял на глазах. Он сидел насупившись и нервно теребил бородку. Когда я кончил, он повторил вслед за мной два вопроса, которые задал мальчику главный фокусник, – вероятно, чтобы получше эти вопросы запомнить.

– «Английский джентльмен придет в этот дом по этой дороге и не по какой другой?», «У английского джентльмена

эта вещь с собой?». Подозреваю, — сказал мистер Франклин, вынимая из кармана небольшой бумажный пакет, — что под «этой вещью» следует понимать знаменитый брильянт моего дяди Хернкасла.

— Боже правый, сэр! — вскричал я. — Каким же образом к вам попал брильянт этого негодяя?!

— Хернкасл завещал передать этот брильянт моей кузине Рейчел в день ее рождения, — ответил мистер Франклин. — А мой отец как душеприказчик полковника поручил мне привезти брильянт сюда.

Если б море, что бесшумно накатывалось на Зыбучие пески, вдруг у меня на глазах высохло, я бы и тогда так не удивился, услышав, что говорит мистер Франклин.

— Брильянт полковника перешел по наследству к мисс Рейчел?! — Я сам не верил своим словам. — А ваш отец, стало быть, душеприказчик полковника?! Держу пари на что угодно, мистер Франклин, что ваш отец не пожелал бы иметь с ним ничего общего.

— Ну это вы хватили через край, Беттередж! Какая вина лежит на полковнике? Он жил в ваше время, а не в мое. Вот и расскажите мне, что вы о нем знаете, а я расскажу вам, как получилось, что мой отец стал его душеприказчиком. Расскажу и еще кой о чем. В Лондоне мне стали известны некоторые не слишком благовидные подробности о моем дяде Хернкасле и его брильянте, и я хотел бы узнать от вас, так ли это. Вы только что назвали его негодяем. Поройтесь-ка в

памяти, дружище, и скажите, почему он негодяй?

Я понял, что мой собеседник настроен серьезно, и рассказал ему все, что знал сам.

Пересказываю вам вкратце то, что я ему сообщил. Будьте внимательны, иначе потеряете нить повествования. Выбросьте из головы детей, обед, новую шляпку и все прочее. Постарайтесь забыть про политику, лошадей, про биржевой курс и интриги в клубе. Надеюсь, вы не рассердитесь на меня за то, что я себе позволяю, ведь эти слова я пишу только с одной целью – вызвать у тебя интерес, любезный читатель. Бог мой, разве не был я свидетелем того, сколь невнимательно читаешь ты величайших авторов, разве не знаю, как легко тебя отвлечь, когда ты держишь в руках книгу, а не принимаешь участие в беседе?

Я упоминал об отце миледи, старом лорде с крутым нравом и длинным языком. В общей сложности у него было пятеро детей. Сначала родились два старших сына, потом, спустя какое-то время, его жена с разницей в три года родила ему трех дочерей. Моя госпожа, как уже говорилось, была из них самой младшей и самой лучшей. Артур, старший из сыновей, унаследовал титул и земли отца. Второй сын, высокородный Джон, получил в наследство от родственника солидное состояние и пошел служить в армию.

Дурна, говорят, та птица, что пачкает собственное гнездо. Благородную фамилию Хернкаслов я считаю своим гнездом

и буду от всего сердца обязан читателю, если тот позволит мне описать высокородного Джона лишь вскользь, опуская подробности. Ни минуты не сомневаюсь, что большего, чем он, негодая свет не видывал. И это не преувеличение. Начиная службу в гвардейском полку, однако ему не было и двадцати двух, когда гвардию – умолчу по какой причине – ему пришлось покинуть. В армии, как известно, строгая дисциплина, и она пришлась высокородному Джону не по вкусу. Он отправился в Индию понюхать порошу, а заодно посмотреть, существуют ли и там тоже такие строгости. Что касается храбрости, то надо отдать Джону должное: он сочетал в себе отвагу бульдога, боевого петуха и дикаря. Хернкасл участвовал во взятии Серингапатама, после чего перешел вскоре в другой полк, а в дальнейшем – и в третий. В третьем полку он получил звание подполковника и солнечный удар в придачу, после чего возвратился в Англию.

Вернулся он с такой репутацией, что перед ним закрылись двери всех его родственников; прежде остальных (с согласия мужа, разумеется) отказала ему от дома только что вышедшая тогда замуж леди Джулия: она объявила, что ноги брата в ее доме никогда больше не будет. На совести полковника было немало темных пятен; назову лишь одно – Лунный камень.

Говорили, что, несмотря на свою смелость, он не решался признаться, как индийский брильянт попал к нему в руки. Он никогда не пытался его продать, – во-первых, потому что

не нуждался в деньгах, а во-вторых (и тут также следует отдать ему должное), потому что к деньгам был равнодушен. Мало сказать, что он никому брильянт не подарил, — он даже никому его не показывал. Одни говорили, что брильянт он не демонстрирует, боясь вызвать недовольство старших по званию; другие (как же плохо они его знали!) полагали, будто он боится, как бы Лунный камень, покажи он его, не стоил ему жизни.

В этих слухах, быть может, и была доля истины. Нет, страха он не испытывал, однако в Индии на его жизнь и в самом деле покушались дважды, и никто не сомневался, что причиной обоих покушений был Лунный камень. По этой же причине, когда полковник приехал в Англию, все от него отвернулись — из-за индийского брильянта он стал у себя на родине изгоем. Мужчины не пускали его в свои клубы, женщины — и не одна, а многие — отказывались выходить за него замуж, друзья и родственники «по близорукости» не узнавали его на улице.

Иные в подобных обстоятельствах попытались бы оправдаться. Но высокородный Джон был не из тех, кто идет на попятный, даже если он не прав, даже если общество отказалось иметь с ним дело. Бросая вызов убийцам, он не расставался с брильянтом в Индии; бросая вызов общественному мнению, не расставался он с ним и в Англии. Вот вам портрет этого человека: идет до конца наперекор всем; хорош собой, но словно бы одержим дьяволом.

Какие только слухи не доходили до нас! Рассказывали, будто он курит опиум и собирает старые книги. Что ставит какие-то таинственные химические опыты. Что прожигает жизнь со всяким отребьем в лондонских притонах последнего разбора. Как бы то ни было, жизнь полковник вел одинокую, порочную и никому не ведомую. После его возвращения я встретился с ним лицом к лицу всего один раз. И вот при каких обстоятельствах.

Года за два до того времени, о котором я пишу, и за полтора до его смерти полковник неожиданно явился к миледи в ее лондонский дом. Было это 21 июня, в день рождения мисс Рейчел, и в этот день, как всегда, в доме ее светлости собрались гости. Ко мне подошел лакей и сказал, что меня хочет видеть какой-то джентльмен. Я вышел в переднюю и увидел полковника – опустившегося, состарившегося, но по-прежнему необузданного и злого.

«Ступайте к моей сестре, – распорядился он, – и скажите ей, что я приехал поздравить племянницу с днем рождения».

Он не раз писал миледи письма, хотел с ней помириться, и только (не сомневаюсь) с одной целью – ей досадить. А вот к нам домой он приехал впервые. Я едва сдержался, чтобы не сказать ему, что у миледи гости, – меня напугала дьявольская ухмылка, игравшая у него на губах. Я поднялся наверх передать его поручение, он же предпочел остаться внизу, в передней. Слуги не спускали с полковника глаз и при этом старались держаться от него подальше, так, будто он был хо-

дядей адской машиной, которая начинена порохом и дробью и может взорваться в любую минуту.

Крутым нравом – пусть и в гораздо меньшей степени, чем ее супруг, – отличалась и миледи. «Скажите полковнику Хернкаслу, – распорядилась она, когда я передал ей слова брата, – что мисс Вериндер занята, а я видеть его отказываюсь».

Я попытался было добиться от миледи более вежливого ответа, ибо хорошо знал, что присущей джентльменам сдержанностью полковник не отличается. Безрезультатно! На этот раз семейную вспыльчивость испытал на себе я. «Вы же знаете, – сказала мне миледи, – что я всегда обращаюсь к вам за советом, когда в этом есть необходимость. На этот раз такой необходимости нет».

Я пошел вниз и на свой страх и риск передал полковнику слова его сестры в смягченном виде: «К великому сожалению, полковник, миледи и мисс Рейчел в настоящее время заняты и просят извинить их за то, что лишены чести вас принять».

Я боялся, что даже в такой редакции слова эти вызовут у Хернкасла лютую ярость. К моему удивлению, однако, ничего подобного не произошло: полковник воспринял мои слова так миролюбиво, что я даже забеспокоился. Он лишь устремил на меня пристальный взгляд своих сверкающих светло-серых глаз и с тихим зловещим смехом, обращенным не на собеседника, как смеются другие люди, а словно бы на са-

мого себя, сказал: «Благодарю, Беттередж, я запомню день рождения племянницы». И с этими словами повернулся на каблуках и вышел.

Наступил следующий день рождения мисс Рейчел, и до нас дошли слухи, что полковник заболел и слег, а полгода спустя, то есть за полгода до того времени, о котором я пишу, миледи получила письмо от весьма почтенного священника. Священник сообщил леди Джулии две неожиданные семейные новости. Во-первых, полковник на смертном одре простил свою сестру. Во-вторых, простил и всех остальных и смерть принял на удивление достойно. Признаться, я и сам (невзирая на епископов и духовенство) питаю непритворное уважение к Церкви; вместе с тем я глубоко убежден, что высокородный Джон находился во власти дьявола и что этот бесовестный человек совершил напоследок бессовестный поступок, а именно (поверите ли?) ввел в заблуждение священнослужителя!

Вот что – если опустить кое-какие несущественные детали – я рассказал мистеру Франклину. Надо сказать, что с каждой минутой слушал он меня все внимательнее. Что же касается истории о том, как сестра полковника в день рождения дочери отказалась его принять, то история эта, похоже, поразила его до глубины души. И хотя он промолчал, по лицу его было видно, что ему очень не по себе.

– Вы рассказали мне все, что знали, Беттередж, – сказал он. – Теперь моя очередь. Однако, прежде чем сообщить

вам, что мне стало известно в Лондоне и какое отношение имеет ко мне индийский брильянт, вот что мне хотелось бы у вас выяснить. По вашему лицу, мой старый друг, видно, что вы не вполне понимаете, с какой целью я завел этот разговор. Или я ошибаюсь?

– Нет, сэр, – ответил я, – вы не ошибаетесь. То, что вы прочли на моем лице (на этот раз, по крайней мере), – чистая правда.

– В таком случае, – сказал мистер Франклин, – хочется надеяться, что вы разделите мою точку зрения. И вот к чему она сводится. Подарок полковника на день рождения моей кузины Рейчел ставит перед нами три очень важных вопроса. Слушайте же меня внимательно, Беттередж, и считайте эти вопросы на пальцах, чтобы не сбиться. – Мистер Франклин, как и в бытность свою мальчишкой, упивался своим здравомыслием. – Итак, вопрос номер один: «В Индии заговорщики охотились за брильянтом полковника?» Вопрос номер два: «Заговорщики последовали за полковником в Англию?» И вопрос номер три: «Полковник знал, что заговорщики его преследуют? И не нарочно ли он подарил брильянт дочери своей сестры, этому невинному существу, оставив тем самым в наследство сестре хлопоты и опасности, с этим брильянтом сопряженные?» Вот к чему я веду, Беттередж. Только, пожалуйста, не пугайтесь!

Легко ему говорить! Ведь, если он прав, наш спокойный английский дом станет пристанищем дьявольского индий-

ского брильянта, за которым из мести мертвецу следуют по пятам коварные заговорщики. Вот в каком положении мы оказались, если я правильно понял смысл последних слов мистера Франклина! Слыханное ли дело! И это в девятнадцатом столетии, в век прогресса! И где? В стране, что пользуется всеми благами британской конституции. Никто никогда не слыхал ничего подобного. И стало быть, никто в это не поверит. Но вернемся к истории с брильянтом.

Внезапный страх, который я испытал, в девяти случаях из десяти сказывается на желудке. Внимание отвлекается, и вы начинаете ерзать. Заерзал, сидя на песке, и я. Мистер Франклин заметил, что мне – то ли из-за желудка, то ли от горьких мыслей, в данном случае это одно и то же, – не по себе, и, прежде чем начать свой рассказ, спросил меня, повысив голос: «Что это с вами?»

Ему я не сказал, что со мной. А вам по секрету скажу: мне захотелось закурить трубку и раскрыть «Робинзона Крузо».

Глава VI

Справившись, однако, со своими чувствами, я попросил мистера Франклина продолжать. «Только не ерзайте, Беттередж», – сказал он и приступил к своему рассказу.

Впервые о негодяе-полковнике и его брильянте наш юный джентльмен узнал от стряпчего своего отца, у которого он побывал в Хэмпстеде по приезду в Лондон. Однажды, когда

они со стряпчим сидели вдвоем после обеда, мистер Франклин по чистой случайности упомянул, что отец поручил ему отвезти мисс Рейчел подарок ко дню рождения. В свою очередь и стряпчий, когда зашел разговор на эту тему, сообщил мистеру Франклину, что это был за подарок и как возникли приятельские отношения между покойным полковником и мистером Блейком-старшим. История этих отношений столь невероятна, что я вряд ли смог бы их внятно изложить, а потому спешу предоставить слово самому мистеру Франклину.

– Вы, наверно, помните, Беттередж, – начал он, – как мой отец безуспешно пытался доказать свои права на этот несчастный герцогский титул. Как раз в это время из Индии возвратился мой дядя Хернкасл. Отец узнал, что у дяди есть бумаги, которые могли бы пригодиться ему в судебной тяжбе, и нанес полковнику визит под тем предлогом, что он хочет поздравить Хернкасла с возвращением на родину. Полковника, однако, провести было не так-то просто. «Вам наверняка что-то от меня нужно, – сказал он, – иначе вы бы ни за что ко мне не пожаловали – репутация дороже». Отец понял, что придется говорить начистоту, иначе дело не выгорит, и тотчас признался, какие ему нужны бумаги. Полковник взял день на размышление, после чего дал ответ. Этим ответом стало весьма странное письмо, которое показал мне мой друг стряпчий. В письме говорилось, что у полковника тоже возникла надобность в моем отце, поэтому он предлагает отцу услугу за услугу. В результате «военных перипет-

тий» (как выразился Хернкасл) он стал обладателем одного из самых больших брильянтов в мире, и у него есть все основания думать, что, если он оставит этот камень у себя, ни он сам, ни брильянт не будут в безопасности, живи он хоть на краю света. В этих обстоятельствах он, чтобы отвести от себя угрозу, вознамерился отдать брильянт на хранение другому человеку. Человек этот не подвергнется никакому риску: он будет вправе отдать драгоценный камень банкиру или ювелиру, в чьих подвалах ценные вещи находятся в полной безопасности. Самому же хранителю брильянта ничего делать не придется, но каждый год, в заранее оговоренный день, по заранее оговоренному адресу он или его поверенный будет получать от полковника письмо с извещением, что тот жив. Если же в установленный день письмо не придет, то означать это будет только одно: полковник убит. В этом – и только в этом – случае запечатанный пакет с инструкциями, касающимися дальнейшей судьбы брильянта, должен быть вскрыт, а инструкции должны быть в точности исполнены. Если мой отец готов стать хранителем драгоценного камня, то находящиеся у полковника бумаги будут в качестве ответной услуги отданы в его распоряжение. Вот что говорилось в этом письме.

– И что же сделал ваш отец, сэр? – спросил я.

– Что он сделал? Скажу вам, что он сделал. Он обдумал предложение полковника с точки зрения здравого смысла и пришел к выводу, что вся эта история, от начала до конца,

яйца выеденного не стоит. В своих странствиях по Индии полковник, как видно, подобрал какую-то никчемную стекляшку и принял ее за брильянт. Что же касается страха быть убитым и мер предосторожности, принятых для сохранения как собственной жизни, так и своей находки, то ведь на дворе как-никак девятнадцатый век и всякому здравомыслящему человеку достаточно в подобном случае попросту обратиться в полицию. Хернкасл много лет курил опиум, и, коль скоро завладеть бумагами полковника можно было, лишь поверив в бредовые измышления опиомана, мой отец согласился взять на себя эту довольно необычную ответственность, тем более что обещание сохранить камень ни к чему, в сущности, его не обязывало и ничем не угрожало. Брильянт и запечатанный пакет с инструкциями были отправлены в кладовую банкира, а письма полковника, ежегодно извещавшие отца, что он жив, получал и распечатывал отцовский поверенный мистер Брафф. В этой ситуации любой разумный человек на месте моего отца поступил бы точно так же. В этом мире правдоподобно лишь то, Беттередж, что поверяется нашим небогатым жизненным опытом, и в небылицы мы поверим лишь тогда, когда прочтем о них в газете.

Из сказанного мистером Франклином я сделал вывод, что он не разделяет мнение своего отца о полковнике, считает это мнение поверхностным и ошибочным.

– А что думаете обо всем этом вы? – спросил я.

– Давайте сперва покончим с историей полковника, – ска-

зал мистер Франклин. — Англичанам не хватает последовательности, и вы, мой старый друг, — наглядный тому пример. Мы лучше многих изготавливаем различные механизмы, но в остальном мы (в умственном отношении) самый несоборанный народ на свете.

«Вот что значит заграничное воспитание, — подумал я про себя. — Не иначе как французы его научили над нами подсмеиваться».

Меж тем мистер Франклин продолжал свой рассказ.

— Отец получил нужные ему бумаги и с этих пор больше полковника не видел ни разу. Год за годом в заранее установленные дни от полковника приходило заранее оговоренное письмо, которое мистер Брафф вскрывал. Я видел эти письма, толстую пачку писем, очень коротких — полковник ограничивался всего несколькими словами: «Сэр, подтверждаю, что я еще жив. Пусть брильянт остается на своем месте. Джон Хернкасл». Письма приходили регулярно, в назначенный срок, день в день, пока однажды, месяцев шесть-восемь назад, от полковника пришло письмо совсем другого содержания: «Сэр, говорят, я умираю. Приезжайте и помогите составить завещание». Мистер Брафф поехал и обнаружил Хернкасла в небольшой пригородной вилле с участком земли, где полковник, с тех пор как вернулся из Индии, жил в полном одиночестве, если не считать собак, кошек и птиц, а также приходящей служанки и врача, сидевшего у его изголовья. Составить завещание не представляло никакого

труда: бо́льшую часть своего состояния полковник истратил на химические опыты. Завещание, которое он продиктовал в постели в здравом уме и твердой памяти, состояло всего из трех пунктов. Пункт первый: содержание животных и уход за ними. Пункт второй: учреждение кафедры экспериментальной химии в одном из северных университетов. В третьем же разделе полковник завещал племяннице в качестве подарка на день рождения Лунный камень с условием, что душеприказчиком будет мой отец. Сперва отец отказался, но, поразмыслив, дал согласие, решив, что, во-первых, обязанности душеприказчика не доставят ему никаких хлопот, а во-вторых, потому что мистер Брафф дал ему понять: брильянт, скорее всего, обладает немалой ценностью.

– Скажите, сэр, полковник не объяснил, почему он завещает брильянт мисс Рейчел? – поинтересовался я.

– Конечно объяснил, об этом говорится в завещании, – ответил мистер Франклин. – У меня есть из него выписка, которую вы вскоре увидите. Не торопите события, Беттередж! Всеу свое время. Я рассказал вам о завещании полковника, теперь послушайте, что произошло после его смерти. Для доказательства законности завещания брильянт следовало оценить, и все ювелиры, к которым мы обратились, сошлись на том, что полковник не ошибся: Лунный камень – один из самых крупных брильянтов на свете. Точная оценка его стоимости вызвала немалые затруднения. На рынке драгоценных камней его размеры произвели настоящую сенса-

цию, цвет камня был также признан необычным, обращала на себя внимание и трещина в самой его сердцевине. Но даже при наличии этого серьезного изъяна специалисты оценили брильянт по меньшей мере в двадцать тысяч фунтов. Представьте себе изумление моего отца! Он чуть было не отказался от обязанностей душеприказчика, чуть было не выпустил из рук этот великолепный драгоценный камень, доставшийся нашей семье. Всерьез им заинтересовавшись, отец вскрыл запечатанный пакет, хранившийся вместе с брильянтом, и изучил вложенные в пакет инструкции. Мистер Брафф показал их мне вместе с другими бумагами, и, мне кажется, в них содержится ключ к заговору, угрожавшему жизни полковника.

– Вы, стало быть, считаете, что заговор имел место? – спросил я.

– Я, увы, не отличаюсь первоклассным здравым смыслом своего отца, а потому считаю, что жизнь полковника, как он и предполагал, находилась под угрозой, – ответил мистер Франклин. – Наличие запечатанной инструкции свидетельствовало о том, что полковник умер спокойно, в своей постели, ведь в случае его насильственной смерти (то есть в том случае, если бы от него в назначенный день не пришло письма) отцу надлежало тайно переправить Лунный камень в Амстердам знаменитому гранильщику, чтобы тот разрезал его на четыре или на шесть отдельных камней, которые следовало продать за любую цену, а вырученную сумму по-

тратить на учреждение кафедры экспериментальной химии, упомянутой полковником в завещании. Ну а теперь, Беттередж, напрягите свои находчивые мозги и сообразите, какую цель преследовал полковник своими инструкциями.

Я тотчас напряг свои мозги. Но они отличались английской несобранностью, в них все перепуталось, и мистеру Франклину пришлось их распутывать.

– Обратите внимание, – сказал мистер Франклин, – что судьба брильянта зависит от того, как поступят с полковником. Ему мало было сказать своим врагам, перед которыми он испытывает ужас: «Убейте меня – и брильянт будет не более доступен, чем теперь. Он там, где вам его не заполучить, – в охраняемой кладовой банка». Вместо этого он говорит: «Убейте меня – и этот брильянт перестанет быть прежним брильянтом. Его подлинность будет уничтожена». Как это надо понимать?

И тут (как мне показалось) на меня снизошла несвойственная англичанам прозорливость.

– Это значит, – сказал я, – что цена камня упадет и негодьяи просчитаются.

– Ничего подобного, – сказал мистер Франклин. – Я навел справки. Если брильянт с изъяном разбить на отдельные камни, он будет стоить не дешевле, а дороже, ведь четыре-шесть безупречных брильянтов, взятые вместе, более ценны, чем один большой небезупречный брильянт. Если бы заговорщики охотились за Лунным камнем ради денег, то

разрезанный на части брильянт был бы более привлекателен для воров, чем целый. За него можно было бы выручить больше, да и продать его было бы гораздо легче, поскольку на рынке драгоценных камней работа амстердамских мастеров в большой цене.

– Господи помилуй, сэр! – вырвалось у меня. – В чем же в таком случае заключалась цель заговорщиков?

– Заговорщиками были индусы, которым изначально принадлежал брильянт, – сказал мистер Франклин. – В основе заговора – какое-то древнее индуистское поверье. К такому мнению я пришел на основании семейных бумаг, которые и сейчас находятся при мне.

Теперь мне стало ясно, почему мистер Франклин так заинтересовался появлением трех индийских фокусников у нашего дома.

– Не хочу навязывать вам свое мнение, – продолжал мистер Франклин. – История об избранных служителях древнего индуистского культа, поставивших себе цель, невзирая на все сложности и опасности, вернуть при первом же удобном случае принадлежавший им священный камень, вполне, на мой взгляд, согласуется с тем, что нам известно о долготерпении народов Востока и о влиянии восточных религий. Я наделен богатым воображением, и для меня реальность не исчерпывается мясниками, булочниками и налоговыми инспекторами. Не будем спорить о том, насколько правдоподобна история, которую я вам изложил. Зададимся луч-

ше единственным практическим вопросом, который касается нас напрямую. Будет ли существовать заговор с целью возвращения Лунного камня *после* смерти полковника? И знали об этом заговоре полковник, когда завещал своей племяннице Лунный камень в качестве подарка на день рождения?

Я начинал понимать, что эта история касается миледи и мисс Рейчел, и старался не пропустить ни слова из сказанного мистером Франклином.

– Когда я узнал историю Лунного камня, – сказал мистер Франклин, – мне, признаться, не очень хотелось сюда его везти. Но мистер Брафф напомнил мне, что кто-то же должен передать моей кузине завещанный ей подарок и почему бы этим человеком не быть мне? Когда я вышел с брильянтом из банка, мне показалось, что за мной следит какой-то смуглый оборванец. Я отправился к отцу за своими вещами и обнаружил у него адресованное мне письмо, которое задержало меня в Лондоне. Я вернулся с брильянтом в банк, и мне опять показалось, что я видел этого же смуглого типа. Когда сегодня утром я вновь забрал из банка брильянт, то увидел этого человека в третий раз. Мне удалось от него скрыться, и я, прежде чем он напал на мой след, выехал сюда утренним поездом вместо дневного. И вот мы с Лунным камнем, целые и невредимые, приезжаем сюда, и что же я слышу?! Я слышу, что в доме моей тетушки побывали три бродячих индуса, которые, полагая, что их никто не слышит, обсуждали между собой мой приезд из Лондона и *ту вещь*, которую

я с собой везу. Не стану тратить время и слова, рассказывая о том, как они выливали чернила мальчику в ладонь и при-казывали ему посмотреть на находящегося совсем в другом месте человека и заглянуть к нему в карман. На мой взгляд, да и на ваш тоже, это не более чем ловкость рук (такие про-делки я не раз видел на Востоке). Весь вопрос в том, не при-даю ли я всей этой ерунде излишне большое значение? Или же этот эпизод свидетельствует о том, что индусы напали на след Лунного камня с той минуты, как я извлек его из банка, где ему ничего не угрожало?

Судя по всему, ни он, ни я отвечать на эти вопросы были не расположены. Мы посмотрели друг на друга, а потом на Зыбучие пески, почти полностью залитые набегавшим мо-рем.

– О чем вы думаете? – внезапно прервал молчание мистер Франклин.

– Мне подумалось, сэр, что я бы с удовольствием закопал брильянт в этот песок и покончил с ним раз и навсегда, – ответил я.

– Если у вас в кармане хватит денег, чтобы купить Лун-ный камень, так и скажите, Беттередж, и мы похороним его в песке, – отозвался мистер Франклин.

Любопытное наблюдение: когда у нас беспокойно на ду-ше, помогает самая незатейливая шутка. Мысль о том, что-бы разделаться с законной собственностью мисс Рейчел и усложнить жизнь мистеру Блейку, согласившемуся быть ду-

шеприкачиком, показалась нам тогда очень забавной, хотя сейчас я не могу взять в толк, что в этом смешного.

Первым вернулся к предмету нашего разговора мистер Франклин. Он достал из кармана конверт, вскрыл его и протянул мне лежавшую внутри бумагу.

– Беттередж, – сказал он, – мы с вами должны в интересах моей тетушки обсудить, чем руководствовался полковник, решив завещать этот камень племяннице. Припомните, как леди Вериндер относилась к своему брату с того времени, как он вернулся в Англию, и до того дня, когда он сказал вам, что запомнит день рождения племянницы. И прочтите эту бумагу.

И он дал мне выписку из завещания полковника. Когда я пишу эти строки, она лежит передо мной. Переписываю ее для вас:

...Третье и последнее. Дарю и завещаю моей племяннице Рейчел Вериндер, единственной дочери моей сестры Джулии Вериндер, вдовы, – в том случае, если ее мать, вышеупомянутая Джулия Вериндер, будет жива в следующий после моей смерти день рождения вышеназванной Рейчел Вериндер, – желтый брильянт, принадлежащий мне и известный на Востоке под названием «Лунный камень». Поручаю моему душеприказчику, чтобы тот либо сам, либо с помощью надежного посредника, которого он собственноручно назначит, передал брильянт моей племяннице Рейчел в собственные руки в следующий после моей смерти

день рождения в присутствии, если это возможно, моей сестры, вышеупомянутой Джулии Вериндер. Желаю, чтобы вышеупомянутая сестра была посредством заверенной копии извещена о третьем и последнем пункте моего завещания, из коего следует, что я дарю брильянт ее дочери Рейчел в знак того, что я полностью и по собственной воле прощаю сестре тот вред, который она своим поведением причинила моей репутации при моей жизни. А также в доказательство того, что я, как и подобает умирающему, прощаю сестре то оскорбление, которое она нанесла мне как офицеру и джентльмену, когда ее слуга по ее приказанию в день рождения ее дочери не пустил меня на порог ее дома.

Далее следовало разъяснение, как должен поступить душеприказчик в том случае, если в день смерти завещателя не будет в живых или миледи, или мисс Рейчел. Согласно запечатанной инструкции, брильянт в этом случае надлежит отослать в Голландию, деньги же, вырученные за него, предназначались, как и деньги, упомянутые во втором разделе завещания, кафедре химии в одном из северных университетов.

Я вернул мистеру Франклину бумагу в полной растерянности. До сих пор, как вы знаете, я был уверен, что полковник умер столь же нечестиво, как и жил. Не скажу, что, прочитав его завещание, я переменял свою точку зрения, – скорее усомнился в своей правоте.

– Итак, – сказал мистер Франклин, – что скажете? Ведь

теперь вы прочли завещание полковника. Как по-вашему? Доставив Лунный камень тетушке, я слепо служу его мстительности или же оправдываю его как раскаявшегося христианина?

– Нелегко представить себе, сэр, – ответил я, – что он умер с подлым мщением на сердце и с подлой ложью на устах. Истина известна только Господу Богу; *меня* не спрашивайте.

Мистер Франклин комкал в пальцах выписку из завещания, словно надеялся выжать из нее всю правду. Его поведение менялось на глазах. Куда девались живость, беззаботность, непринужденность? Передо мной сидел тихий, серьезный, задумчивый молодой человек.

– В этом вопросе есть две стороны – объективная и субъективная. С какой начнем? – спросил он.

Мистер Франклин получил не только французское, но и немецкое образование. До сих пор, как мне казалось, он находился под влиянием французов, теперь же, насколько я мог судить, немцы взяли вверх. Я придерживаюсь правила не замечать того, чего не понимаю, а потому выбрал нечто среднее между объективной и субъективной стороной. А попросту говоря, уставился в одну точку и не произнес ни слова.

– Попробуем разобраться, – сказал мистер Франклин. – Почему мой дядя завещал брильянт Рейчел, а не моей тетушке?

– Догадаться не так уж сложно, – сказал я. – Полковник

прекрасно понимал, что от него миледи не примет никаких подарков.

– Но ведь могла отказаться и Рейчел?

– Найдется ли на всем белом свете хоть одна юная дева, сэр, которая бы отказалась от такого подарка?

– Это субъективная точка зрения, – сказал мистер Франклин. – Похвально, Беттередж, что вы способны на субъективную точку зрения. Но в завещании полковника есть и еще одна тайна, которая не поддается объяснению. Почему, как вы думаете, он дарит Рейчел свой брильянт только при условии, что ее мать жива?

– Не хочу порочить память о покойнике, сэр, – ответил я, – но если он завещал камень племяннице, чтобы от него пострадала ее мать, то ему было важно, чтобы сестра была жива, когда на нее свалятся все беды.

– Так вот какие вы приписываете ему намерения? Опять же субъективное толкование! Вы бывали в Германии, Беттередж?

– Нет, сэр. А как бы вы сами ответили на свой вопрос?

– А не кажется ли вам, – заметил мистер Франклин, – что полковник хотел не одарить племянницу, которую он в глаза не видел, а доказать сестре, что перед смертью он ее простил, причем доказать очень изящно – подарком не ей, а ее дочери. Такое объяснение и субъективно, и объективно и не имеет ничего общего с вашим, Беттередж. А впрочем, насколько я могу судить, одно объяснение ничем не лучше другого.

Придя к этому утешительному выводу, мистер Франклин, по всей вероятности, счел, что его миссия выполнена. Он растянулся на песке и спросил меня, каковы должны быть его дальнейшие шаги.

Прежде чем пуститься в заграничную тарабарщину, он высказывал соображения столь проницательные и дальновидные, был настолько прозорливее меня, что я даже растерялся – с какой это стати он вдруг обращается за помощью именно ко мне? Лишь много позже меня на этот счет просветила мисс Рейчел. Ей первой пришло в голову, что резкие перемены в поведении мистера Франклина вызваны его заграничным воспитанием. В том возрасте, когда всем нам свойственно перенимать черты других людей, он был отправлен за границу, переезжал из одной страны в другую и характер у него так окончательно и не сформировался. Домой поэтому мистер Франклин вернулся существом столь противоречивым, что казалось, он пребывает в постоянном несогласии с самим собой. Он мог быть и деловым человеком, и лентяем, рассеянным и сообразительным, образцом решимости и беспомощности в одно и то же время. Было в нем что-то и от француза, и от немца, и от итальянца; случалось, правда, проступали и исконно английские черты. «Вот видите, – словно бы говорил он, – я неузнаваемо изменился, и все же кое-что от меня прежнего осталось». Мисс Рейчел не раз повторяла, что, когда у него опускались руки и он с присущим ему обаянием просил собеседника взять ответственность на

себя, на итальянца он походил более всего. Вот и теперь итальянец явно взял в нем верх над немцем и французом.

– Сэр, – сказал я, – это вам решать, что теперь делать, а никак не мне.

Мистер Франклин, похоже, не заметил, с какой настойчивостью прозвучали мои слова. Да и неудивительно, ведь он лежал на спине и не замечал ничего, кроме неба над головой.

– Не хочу пугать тетушку без достаточных оснований, – сказал он. – Но держать ее в неведении также не входит в мои планы. Скажите, Беттередж, в двух словах, как бы на моем месте поступили вы?

– Подождал бы, – ответил я в двух словах, как он и просил.

– Прекрасно, – одобрил мое предложение мистер Франклин. – И сколько, по-вашему, придется ждать?

– Насколько я понимаю, сэр, – сказал я, – кто-то же должен будет вложить в руку мисс Рейчел в день ее рождения этот злосчастный брильянт. Почему бы это не сделать вам? Итак, сегодня двадцать пятое мая, ее день рождения двадцать первого июня. В нашем распоряжении без малого четыре недели. Давайте повременим и посмотрим, что за это время произойдет. И в зависимости от обстоятельств либо предупредим миледи, либо нет.

– Превосходно, Беттередж! – воскликнул мистер Франклин. – Но как поступить с брильянтом до ее дня рождения?

– Точно так же, как поступил ваш отец, сэр, – ответил я. – Ваш отец сдал его в банк в Лондоне, а вы сдайте Лунный

камень в банк во Фризингхолле. (Фризингхолл – ближайший к нам город, и местный банк не менее надежен, чем Банк Англии.) На вашем месте, сэр, – добавил я, – я бы прямо сейчас, до возвращения миледи и ее дочери, взял брильянт, сел на лошадь и отправился во Фризингхолл.

Мистер Франклин мгновенно вскочил – ехать, да еще верхом, он готов был куда угодно. И не только поднялся на ноги сам, но и поднял меня.

– Беттередж, нет вам цены! – закричал он. – Пойдемте же скорей, и велите оседлать лучшую лошадь в конюшне.

Тут, слава богу, с него спал весь его заграничный лоск, передо мной стоял англичанин до мозга костей. Тот самый добрый прежний юный Франклин, который никогда не мог себе отказать в поездке верхом и который напоминал мне добрые старые времена. Оседлать ему лошадь? Да я оседлал бы ему дюжину лошадей, если б только он мог управлять всей дюжиной одновременно!

Мы отправились не мешкая домой, не мешкая оседлали самую резвую лошадь во всей конюшне, и мистер Франклин не мешкая ускакал, дабы в очередной раз припрятать в банковский сейф окаянный желтый брильянт. Когда стих топот копыт по гравийной дорожке и я, осмотревшись, понял, что вокруг, кроме меня, никого нет, то чуть было не задался вопросом, не привиделось ли мне все это во сне.

Глава VII

В это самое время, когда я пребывал в растерянности и больше всего нуждался в уединении, чтобы привести в порядок свои чувства, перед мной выросла моя дочь Пенелопа (как вырастала передо мной на лестнице ее покойная мать) и сразу же потребовала, чтобы я рассказал ей, о чем шел у меня разговор с мистером Франклином. В нынешних обстоятельствах выход был только один: незамедлительно накрыть гасильником вспыхнувшее ярким пламенем любопытство Пенелопы. Что я и сделал: ответил, что мы долго говорили с мистером Франклином о политике, отчего нас так разморило, что мы и сами не заметили, как заснули, пригревшись на солнышке. Дайте подобный ответ жене или дочери, когда они в очередной раз пристанут к вам с неуместным вопросом в неуместное время, и вы увидите, что по природной женской кротости они вас от души расцелуют – и при первом же удобном случае вновь обратятся с тем же вопросом.

С наступлением вечера из гостей вернулись миледи и мисс Рейчел.

Нет нужды говорить, как они удивились, когда услышали, что в их отсутствие приехал мистер Франклин Блейк – и в скором времени, вскочив в седло, уехал вновь. Нет также нужды говорить, что и они, в свою очередь, стали задавать неуместные вопросы и что «разговоры о политике» и «креп-

кий сон» на берегу их, в отличие от Пенелопы, нисколько не убедили. В результате, не придумав ничего лучше, я сказал, что приезд мистера Франклина утренним поездом – очередная его причуда, не более того. Когда же миледи поинтересовалась, можно ли внезапный отъезд верхом также приписать причудам мистера Франклина, я ответил: «Именно так» – и, как мне показалось, с честью вышел из неловкой ситуации.

Увы, вернувшись к себе в комнату, я оказался в положении еще более затруднительном. Пенелопа не заставила себя ждать: вошла, с природной женской кротостью меня поцеловала и с природным же любопытством представительницы слабого пола задала очередной вопрос. На этот раз ей хотелось знать только одно – что происходит с нашей второй горничной Розанной Спирмен.

Расставшись с мистером Франклином и со мной на Зыбучих песках, Розанна, как выяснилось, вернулась домой сама не своя. Если верить Пенелопе, она всякую минуту менялась в лице, то принималась беспричинно веселиться, то – и тоже без всякой причины – ударялась в слезы. Задавала Пенелопе сотни вопросов о мистере Франклине Блейке, когда же моя дочь высказала предположение, что сей неведомый джентльмен как будто бы вызывает у Розанны некоторый интерес, очень на нее рассердилась. Служанка видела, как Розанна с загадочной улыбкой выводит имя мистера Франклина на дне своей шкатулки с рукоделием. Как стоит перед зеркалом со слезами на глазах и смотрит на свое скособоченное плечо.

Была ли она знакома с мистером Франклином? Об этом не могло быть и речи! Слышала ли о нем? И об этом тоже не могло быть речи. Свидетельствую: мистер Франклин и в самом деле удивился, когда заметил, что девушка не сводит с него глаз. Да и Пенелопа не даст соврать: о мистере Франклине Розанна расспрашивала с неподдельным любопытством. Наш затянувшийся разговор закончился неожиданно – моя дочь высказала самую чудовищную гипотезу, какую мне доводилось слышать.

– Отец, – сказала она без тени улыбки, – Розанна влюбилась в мистера Франклина Блейка с первого взгляда! Другого объяснения и быть не может!

Вы наверняка слышали о юных красотках, что влюбляются с первого взгляда, – ничего необычного в этом нет. Но чтобы горничная из исправительного заведения, дурнушка, да еще скособоченная, влюбилась с первого взгляда в джентльмена, приехавшего с визитом к ее госпоже, – такого не прочтешь даже в самом фантастическом романе! Я хохотал так, что слезы выступили у меня на глазах. Пенелопе мой смех почему-то не понравился.

– Вот уж не думала, отец, что вы так жестокосердны, – произнесла она вкрадчивым голоском и с этими словами вышла из комнаты.

Меня словно ледяной водой окатили. Надо же было так разволноваться! Я себе этого не простил, но тут уж ничего не поделаешь. Давайте, если позволите, переменим тему. Очень

сожалею, что пишу об этом, но, как вы увидите из дальнейшего, у меня были на то основания.

Из Фризингхолла мистер Франклин вернулся только к вечеру, когда уже прозвенел звонок, возвещавший, что пора переодеваться к обеду. Я сам отнес горячую воду к нему в комнату в надежде первым услышать, чем было вызвано его столь долгое отсутствие. Однако, к моему величайшему разочарованию (полагаю, и к вашему тоже), с ним не случилось ровным счетом ничего. С индусами мистер Франклин не встретился ни по дороге в город, ни на обратном пути. Лунный камень он передал в банк, обмолвившись, что вещь эта очень ценная и дорогая, и взамен получил расписку, которую спрятал в карман. Вниз я спустился в неважном настроении: история с брильянтом, о котором сегодня было столько разговоров, похоже, кончилась ничем.

Как прошла встреча мистера Франклина с тетушкой и кузиной, мне неизвестно.

Я бы многое дал, чтобы в тот вечер подавать на стол. Но при моем положении в доме прислуживать за обедом (за исключением больших семейных празднеств) значило бы уронить себя в глазах прислуги, что миледи не раз ставила мне на вид. А потому известия о том, что происходило в тот вечер в «заоблачных высях», не дошли бы до меня, если б не Пенелопа и лакей. Пенелопа сообщила мне, что мисс Рейчел никогда еще не уделяла столько внимания своей причес-

ке и была необыкновенно весела и хороша собой. Лакей же сообщил, что за все время исполнения своих обязанностей ему ни разу не приходилось так тяжело, как в этот вечер, когда надо было обслуживать мистера Франклина Блейка и при этом сохранять в присутствии вышестоящих почтительную серьезность. Окна на террасу стояли открытые, и какое же удовольствие было слушать, как господа, встав из-за стола, поют дуэтом! Мистер Франклин брал высоко, мисс Рейчел еще выше, а сидевшая за фортепиано миледи неслась за ними точно вскачь. Когда концерт кончился, я отнес мистеру Франклину в курительную комнату содовой и бренди и обнаружил, что мисс Рейчел вскружила ему голову, да так, что он напрочь забыл о брильянте.

– С тех пор как я вернулся в Англию, – повторял он бесчисленное число раз, – более очаровательная девушка мне не встретилась ни разу.

Все мои попытки завести разговор на тему более серьезную ни к чему не привели.

Около полуночи я вместе со своим помощником (Сэмюэлем, лакеем) обошел, по обыкновению, дом и запер все двери, кроме одной, боковой, выходившей на террасу, после чего, отослав Сэмюэля спать, вышел подышать свежим воздухом, перед тем как лечь самому.

Ночь выдалась тихая и душная, взошла полная луна. На улице было так тихо, что изредка до меня доносился едва слышный шум моря, которое накатывалось на песок в нашей

маленькой бухте. На террасе было темно, а вот гравийная дорожка, тянувшаяся вдоль дома, была залита лунным светом. Я посмотрел на небо, а потом на дорожку и увидел в свете луны тень человека, стоявшего за углом дома.

Я стар и осторожен и окликнуть незнакомца поостерегся. Но я ведь еще и грузен, а потому гравий захрустел у меня под ногами и меня выдал. Не успел я завернуть за угол, как услышал топот ног, их было несколько, и все они были проворнее моих. Стоило мне приблизиться, как шаги поспешно удалились. К тому времени как я дошел до угла дома, нарушители спокойствия, кто бы они ни были, скрылись в кустах по другую сторону дорожки, и за густыми деревьями их было не разглядеть. В темноте им ничего не стоило выбраться из кустов, перелезть через забор и выйти на дорогу. Будь я лет на сорок моложе, я, быть может, и сумел бы их догнать. В моем же возрасте мне ничего другого не оставалось, кроме как вернуться в дом и послать в погоню за ними пару ног моложе моих. Мы с Сэмюэлем решили никого не будить, взяли пару ружей, обошли вокруг дома и обшарили кусты. Удовольствовавшись, что в кустах и за деревьями никто не прячется, мы повернули обратно. На дорожке, где я недавно увидел тень, мне попался на глаза какой-то блестящий предмет. Я поднял его – это оказалась бутылочка с густой, черной, как чернила, жидкостью со сладковатым запахом.

Сэмюэлю я ничего не сказал, но, вспомнив, что рассказала мне Пенелопа про фокусников и про то, как они наливали

чернила мальчику на ладонь, я сразу же догадался, что спугнул трех индусов, которые бродили вокруг дома, стараясь с присущим им восточным коварством разузнать, где этой ночью находится брильянт.

Глава VIII

Позволю себе ненадолго отвлечься от своего рассказа.

Обратившись к собственным воспоминаниям, а также к дневнику Пенелопы, я прихожу к выводу, что мы вполне можем не задерживаться на том промежутке времени, что отделяет приезд мистера Франклина Блейка от дня рождения мисс Рейчел. Дни сменялись днями, и ничего достойного упоминания не происходило. Вот почему, с вашего разрешения и при посредстве Пенелопы, упомяну здесь лишь некоторые события, к повествованию же день за днем вернусь, когда Лунный камень станет в нашем доме предметом всеобщего внимания.

Ну а теперь продолжим наш рассказ с той минуты, когда я поздней ночью обнаружил на гравийной дорожке бутылку чернил со сладковатым запахом.

На следующее утро (26 мая) я показал мистеру Франклину эту загадочную бутылку и рассказал то, что уже рассказывал вам. Он счел, что индусы не только рыскали по парку в поисках брильянта, но, по глупости, верили в собственное колдовство: в знаки над головой, в чернила, которые они

выливали мальчику на ладонь в надежде, что он увидит людей и предметы, находящиеся далеко отсюда. Мистер Франклин сообщил мне, что эти фокусники существуют и у нас, и на Востоке и что подобное надувательство (за исключением чернил) они называют каким-то французским словом, означающим нечто вроде ясновидения.

– Уверяю вас, – сказал мистер Франклин, – индусы убеждены, что мы храним брильянт здесь, они привезли с собой ясновидящего мальчика, и тот, если бы фокусникам удалось вчера вечером проникнуть в дом, показал бы им, где брильянт находится.

– Вы полагаете, сэр, что злоумышленники возобновят поиски? – спросил я.

– Это зависит от того, на что мальчик способен. Если он сумеет разглядеть брильянт сквозь дверцы металлического сейфа во фризингхолльском банке, то мы будем до поры до времени избавлены от их посещений. Если же нет, то не пройдет и нескольких дней, как у нас появится еще один шанс обнаружить их в кустах.

Я ожидал, что именно так оно и будет, но, странное дело, визит индусов больше не повторился.

То ли до фокусников дошли слухи, что мистера Франклина видели в банке, и они сделали соответствующие выводы; то ли мальчик действительно увидел, где сейчас хранится брильянт (во что я совершенно не верю); то ли все произошло по чистой случайности – но факт остается фактом: за те

четыре недели, что оставались до дня рождения мисс Рейчел, ни один индус ни разу возле нашего дома не появился. Фокусники демонстрировали свое искусство в городе и за его пределами, мы же с мистером Франклином терпеливо ждали, чем эта история закончится, решив, чтобы не вызывать у индусов подозрений, не предпринимать против них никаких действий. Больше мне покамест об индийских фокусниках сказать нечего.

Двадцать девятого мая мисс Рейчел и мистер Франклин придумали, как им проводить время, которое в противном случае им некуда было бы девать. Имеет смысл обратить особое внимание на то, что составляло их досуг, ибо их тогдашние занятия имеют самое непосредственное отношение к тому, что произойдет в дальнейшем.

Если что и осложняет, причем существенно, жизнь благородного сословия, так это праздность. Вся жизнь знати проходит в постоянных поисках какого-нибудь дела, и забавно бывает наблюдать за тем, как часто – особенно если у господ есть вкус к тому, что принято называть интеллектуальной деятельностью, – они слепы, без разбора, увлекаются невесть чем. В девяти случаях из десяти они принимают или калечить какое-то несчастное существо, или портить какую-то вещь, при этом они убеждены, что тем самым самосовершенствуются, тогда как на самом деле лишь переворачивают все верх дном. Мне не раз приходилось видеть, как они

(и, к огромному сожалению, не только джентльмены, но и дамы), прихватив пустые склянки от пилюль, отправляются ловить тритонов, жуков, пауков, лягушек и прочих жалких тварей, которых они по возвращении домой без малейших угрызений совести насаживают на булавки или режут на мелкие кусочки. Вы становитесь свидетелями того, как ваш юный хозяин или ваша юная хозяйка разглядывают внутренности пауков в увеличительное стекло, или же вам встречаются на лестнице обезглавленные ими лягушки. Когда же вы недоумеваете, к чему такая кровожадность, вам отвечают, что ваш юный господин или ваша юная госпожа интересуются естественными науками. Иной раз вы видите, как они, вооружившись какими-то острыми инструментами, из чистого любопытства уродуют прекрасный цветок – должны же они знать, как он устроен! Можно подумать, что, если они будут это знать, цветок станет красивее и ароматнее. Что тут скажешь? Нужно же бедным молодым людям провести время, ну хоть как-то провести время! Вы копались в грязи и лепили из нее пирожки, когда были ребенком; теперь, когда вы выросли, вы копаетесь в грязных науках – режете пауков и уродуете цветы. А все потому, что вашей бедной, пустой голове не о чем думать, вашим праздным ручкам нечем себя занять. Кончится тем, что вы измажете красками полотно, отчего провоняет весь дом, или в стеклянном ящике с грязной водой разведете головастиков, отчего всех в доме вывернет наизнанку. Или натолчете камень и приправите камен-

ной крошкой провизию. Или же, чего доброго, займетесь фотографией: перепачкаетесь с ног до головы и до неузнаваемости исказите лица своих домочадцев. Людям, которые вынуждены трудиться, чтобы иметь крышу над головой, чтобы у них было что съесть и во что одеться, – спору нет, приходится нелегко. Но сравните самую тяжелую работу, которая вам досталась, с бездельем, от которого страдают ни в чем не повинные цветы и пауки, в чьих желудках вы копаетесь, – и радуйтесь, что вашей голове есть о чем подумать, а вашим рукам – чем себя занять.

Рад сообщить, что мистер Франклин и мисс Рейчел никого не мучили. Ограничились они лишь тем, что устроили в доме ужасный беспорядок, испортили же – отдадим им справедливость – всего-навсего дверь, да и то только одну.

Универсальный гений мистера Франклина распространился на все сферы жизнедеятельности, в том числе и на то, что он называл «декоративной живописью». Он сообщил нам, что изобрел новую смесь для разведения краски, которую назвал «составом». Из чего этот состав делался, мне неизвестно. А вот чем отличался, сказать могу: он издавал тошнотворный запах. Поскольку мисс Рейчел не терпелось новый состав испробовать, мистер Франклин послал в Лондон за материалами, смешал их и добился такого запаха, что даже собаки чихали, когда входили в комнату. Он надел на мисс Рейчел фартук и заставил расписывать ее собственную маленькую гостиную, прозванную, за неимением английского слова, «будуаром». Начали они с внутренней стороны двери. Мистер Франклин счистил с нее пемзой всю лакировку, дабы, как он выразился, «наметить фронт работ». Потом мисс Рейчел под его началом и с его помощью покрыла поверхность двери узорами и фигурами – грифонами, птицами, цветами, купидонами и прочими подобными существами, скопированными с рисунков знаменитого итальянского живописца, имени которого я не запомнил; того, кто специализировался на мадоннах и был влюблен в булочницу. Работа продвигалась медленно, зато грязи было хоть отбавляй. Но наших молодых людей это, по всей видимости, несколько не смущало – увлеклись они не на шутку. Когда они не катались верхом, не ходили в гости, не сидели за столом и не

музицировали, они трудолюбиво и неустанно, точно пчелы, в четыре руки уродовали дверь. Какой это поэт сказал, что сатана всегда найдет несправедное дело, чтобы занять праздные руки?⁴ Занимай этот поэт вместо меня место дворецкого в доме миледи и наблюдая за тем, как орудует кистью мисс Рейчел и обрабатывает дверь своим составом мистер Франклин, – и он бы убедился в своей правоте.

А теперь перенесемся в воскресенье, 4 июня, этот день также заслуживает упоминания.

В тот вечер мы в людской первый раз обсудили ситуацию в доме, каковая, как и разрисованная дверь, скажется на том, что произойдет в дальнейшем.

Мы видели, какое удовольствие мистер Франклин и мисс Рейчел получают от общества друг друга, какую прекрасную пару составляют, а потому сочли, что было бы хорошо, если бы они не только вместе разрисовывали дверь в гостиной. Иные из нас предсказывали даже, что свадьбу сыграют еще до наступления осени. Другие (во главе со мной) признавали, что мисс Рейчел и впрямь может в скором времени выйти замуж, однако сомневались (по причинам, о которых вы вскоре узнаете), что ее женихом будет мистер Франклин Блейк.

А в том, что мистер Франклин Блейк был влюблен, ни у кого из видевших и слышавших его не оставалось ни малей-

⁴ Ставшие поговоркой строки из назидательного стихотворения Исаака Уоттса (1674–1748), английского священника и поэта, автора христианских гимнов.

ших сомнений. Понять же, что думает на этот счет мисс Рейчел, было сложнее. Позвольте мне познакомить вас с ней, после чего я предоставляю вам самим разгадать – если сможете – ее чувства.

Двадцать первого июня моей юной госпоже исполнилось восемнадцать лет. Если вам нравятся брюнетки (которые, я слышал, вышли из моды) и если к невысоким женщинам вы относитесь без предрассудков, то могу поручиться: краше девушки, чем мисс Рейчел, вам никогда видеть не доводилось. Она была мала ростом и стройна, и все с головы до пят было в ней соразмерно. Всякому человеку в здравом уме достаточно было увидеть, как она садится, как встает, тем более – как двигается, чтобы прийти к заключению, что своей неопишуемой грацией она обязана (я нисколько не преувеличиваю) фигуре, а вовсе не нарядам. Волосы у нее были черные как смоль, глаза – под стать волосам, носик, надо признать, мог бы быть и побольше, зато к ее рту и подбородку (процитирую мистера Франклина) «не могли бы придраться даже боги», а цвет лица (по мнению того же непререкаемого авторитета) был ослепителен, как солнце, с тем огромным преимуществом перед светилом, что, в отличие от солнца, которое не только всходит, но и заходит, от ее личика нельзя было ни на минуту отвести глаз. Прибавьте к этому, что держалась она прямо, ходила стремительно, с высоко, горделиво поднятой головой, говорила звучным, мелодичным голосом, а улыбка, прежде чем появиться на губах, сквозила у

нее в глазах, — и вы получите ее подлинный портрет, пусть и в моем несовершенном исполнении.

А каков был ее нрав? Неужели, спросите вы, у этого прелестного создания не было недостатков? Недостатков, сударыня, у нее было ровно столько же, сколько и у вас, — ни больше ни меньше.

Замечу со всей серьезностью: моя дорогая, очаровательная мисс Рейчел, обладая бездной достоинств, имела один недостаток, который я из соображений беспристрастности не могу обойти молчанием. От многих девушек ее возраста она отличалась тем, что руководствовалась исключительно собственными убеждениями и была столь упряма, что шла наперекор моде, если мода шла наперекор ее вкусу. В мелочах независимость ее суждений была прощательна, но в важных вещах мисс Рейчел заходила порой (по мнению миледи, да и на мой взгляд тоже) слишком далеко. Она рассуждала так трезво, как не способны рассуждать женщины вдвое старше нее, ни к кому не обращалась за советом, никогда не говорила заранее, что собирается предпринять, никому — даже матери — не выдавала своих девичьих секретов. В делах малых и больших, общаясь с людьми, которых она любила и которых ненавидела (тех и других с одинаковым прямодушием), мисс Рейчел всегда поступала по-своему и в радостях, и в горестях полагалась только на себя. «Лучший друг и злейший враг Рейчел — она сама!» — не раз повторяла миледи.

Назову, прежде чем закончить, и еще одну ее особен-

ность.

При всей ее скрытности и своеволии не было в ней и тени фальши, не припомню, чтобы она хоть раз нарушила слово, сказала «нет», когда на уме было «да». Помню, что в детстве сия добрая душа всегда брала вину на себя и подвергалась наказанию за проступок, совершенный любимой подругой. Никто никогда не слышал, чтобы она, когда правда выходила на поверхность и ей предъявляли обвинение, призналась в содеянном. Но и до лжи не опускалась. Посмотрит вам прямо в глаза, покачает своей дерзкой головкой и вымолвит: «Я вам все равно не скажу». Ее снова накажут, она попросит прощения за «все равно», но, даже если ее посадят на хлеб и воду, ни за что подругу не выдаст. Да, своенравная, порой дьявольски своенравная – с этим не поспоришь, и тем не менее на всем белом свете не найдется человека лучше нее. Быть может, вы видите в этом некоторое противоречие? В таком случае позвольте шепнуть вам кое-что на ухо. Приглядитесь-ка повнимательнее к вашей жене. И если за весь день ваша благоверная ни разу себе не противоречит, так и знайте – в жены вы взяли монстра, и да поможет вам Бог!

Теперь, когда я познакомил вас с мисс Рейчел, расскажу, какие у этой девицы имелись виды на замужество.

Двенадцатого июня моя госпожа отправила в Лондон одному джентльмену приглашение приехать на день рождения мисс Рейчел. Я полагал, что сему счастливейшему из смерт-

ных было отдано ее сердце. Как и мистер Франклин, он ей приходился кузеном. Звали лондонского кузена мисс Рейчел мистер Годфри Эйблуайт.

Вторая сестра миледи (не пугайтесь, в этот раз мы не станем слишком глубоко вдаваться в историю этой семьи) испытала разочарование в любви, после чего, пожелав выйти замуж во что бы то ни стало, совершила мезальянс. Когда высокородная Кэролайн настояла на том, чтобы обвенчаться с мистером Эйблуайтом, фризингхолльским банкиром, возмущению в семье не было предела. И это притом что ее муж был очень богат, весьма респектабелен и произвел на свет целый выводок детей, что, вне всяких сомнений, делает ему честь. Но посредством брака он вздумал добиться высокого положения, и это его не украсило. Однако время и успехи современного просвещения поправили дело, и неравный брак в конечном счете себя оправдал. Теперь у нас у всех широкие взгляды (я ведь уступил вам, вот и вы уступите мне), и какая мне разница, член вы парламента или нет, мусорщик вы или маркиз? Таков современный взгляд на мир, и я придерживаюсь этого взгляда. Эйблуайты, очень достойные, уважаемые в округе люди, жили в окрестностях Фризингхолла в прекрасном доме с парком. Из всех Эйблуайтов нас с вами, собственно, интересует лишь мистер Годфри, второй сын мистера Эйблуайта, ибо к мисс Рейчел он имеет самое непосредственное отношение.

При всем своем блеске, уме, при всех своих неоспоримых

достоинствах мистер Франклин, на мой взгляд, проигрывал в глазах нашей юной леди мистеру Годфри по всем статьям.

Начать с того, что мистер Годфри был гораздо выше ростом своего соперника. Росту в нем было больше шести футов; это был румяный, полнолицый, чисто выбритый господин с длинными, небрежно спадающими на затылок льняными волосами. Но к чему мне так обстоятельно описывать его? Если вы когда-нибудь делали пожертвования в пользу какой-либо женской благотворительной организации, то мистера Годфри Эйблуайта вы знаете ничуть не хуже, чем я. Он был адвокатом по профессии, дамским угодником по темпераменту и добрым самаритянином по наклонностям. Женское добросердечие и женская нищета обойтись без него не могли. В материнских обществах по обеспечению бедных рожениц, в обществах Святой Магдалины, спасающих бедных женщин от порока, в обществах, настойчиво стремящихся брать на работу бедных женщин вместо бедных мужчин, вынужденных самим о себе заботиться, — он состоял вице-президентом, директором, третейским судьей. Не было ни одного собрания женского благотворительного общества, где бы во главе стола не восседал с шляпой в руке мистер Годфри, он умело сдерживал горячность сердобольных дам и вел их по тернистым деловым путям. Убежден: то был самый квалифицированный филантроп (скромного достатка) из родившихся на английской земле. Никто не мог сравниться с ним в искусстве выжимать своими душещипательными

речами слезы и деньги у собравшихся на благотворительных вечерах. Это был прирожденный общественный деятель. Последний раз, когда я был в Лондоне, моя госпожа развлекла меня дважды: отправила в театр полюбоваться на знаменитую танцовщицу и в Эксетер-холл послушать мистера Годфри. Танцовщица выступала с оркестром. Мистер Годфри – с носовым платком и стаканом воды. Язык мистера Годфри вызывал не меньший фурор, чем ножки танцовщицы. И в то же время не было человека (я имею в виду мистера Годфри) более кроткого и невзыскательного. Он любил всех. И все любили его. Разве мог мистер Франклин, да и любой человек средних способностей и небезупречной репутации, сравниться с таким джентльменом, как мистер Годфри?!

Четырнадцатого числа от мистера Годфри пришел ответ. Он принял приглашение моей госпожи, пообещав пробыть у нее в доме со среды (дня рождения) до вечера пятницы, когда обязательства по делам дамской благотворительности потребуют его возвращения в столицу. В письмо он вложил стихи, которые изящно назвал «День ваших именин». Мне сообщили, что мисс Рейчел вкупе с мистером Франклином потешались за обедом над этим несравненным поэтическим творением. Пенелопа же – она была всецело на стороне мистера Франклина, – от души торжествуя, поинтересовалась, что на сей счет думаю я.

– Мисс Рейчел водит тебя за нос, дорогая, – ответил я, –

но меня не проведешь. Подождем, пока вслед за стихами мистера Эйблуайта не появится сам мистер Эйблуайт.

На это дочь мне ответила, что до приезда мистера Эйблуайта у мистера Франклина хватит времени попытаться. И действительно, мистер Франклин зря времени не терял, делал все возможное, чтобы заслужить благосклонность мисс Рейчел.

Более заядлого курильщика, чем мистер Франклин, я в жизни своей не встречал, однако ж, стоило мисс Рейчел однажды заявить мистеру Франклину, что она не выносит затхлый запах табака, которым пропах его сюртук, и он тут же выбросил сигару. После этого самоотверженного поступка, лишившись успокоительного действия табака, без которого он жить не мог, он каждое утро спускался к завтраку с таким изнуренным и несчастным видом, что мисс Рейчел сама попросила его закурить сигару. Но нет! Никогда более не вернется он к тому, что может вызвать у нее хотя бы минутное неудовольствие; он будет и впредь изо всех сил бороться со своей дурной привычкой, и рано или поздно воля и терпение позволят ему справиться с бессонницей. Подобная самоотверженность, скажете вы (как сказали и мы в людской), не могла не произвести надлежащего действия на мисс Рейчел, тем более что и он и она продолжали сообща каждодневно расписывать дверь в ее будуаре. А между тем у нее в спальне висела фотография мистера Годфри, снятая на благотворительном митинге: волосы развеваются от порыва собствен-

ного красноречия, глаза призывно сверкают – не захочешь, а полезешь в карман за воздаянием. Что тут скажешь? Каждое утро (сообщила мне под большим секретом Пенелопа) с фотографии взирал на мисс Рейчел, когда та расчесывала свои кудри, юный джентльмен, без которого не могла обойтись ни одна женщина. И совсем скоро (замечу я) этот юный джентльмен будет взирать на нее воочию.

Шестнадцатого июня произошло событие, после которого шансы мистера Франклина на успех пали ниже некуда.

В то утро к нам приехал незнакомый джентльмен; по-английски он говорил с акцентом и заявил, что у него к мистеру Франклину дело. Дело это вряд ли имело отношение к брильянту, во-первых, потому, что мистер Франклин ничего мне об этом не сказал, а во-вторых, после отъезда иностранца он сообщил об их разговоре миледи, а та, насколько мне известно, – своей дочери. Как бы то ни было, до меня дошли слухи, что вечером того же дня, сидя за пианино, мисс Рейчел строго выговорила мистеру Франклину: он, дескать, якшался за границей бог знает с кем, да и правила поведения, которые он усвоил в Европе, никуда не годятся. На следующий день дверь впервые за последнее время не расписывалась. Подозреваю, что мистер Франклин совершил в Европе какой-то опрометчивый поступок (связь с женщиной, денежный долг), который ему припомнили по возвращении в Англию. Впрочем, это не более чем догадка. На этот раз не

только мистер Франклин, но и моя госпожа (редкий случай) предпочли держать меня в неведении.

Семнадцатого числа туча, судя по всему, вновь рассеялась. Молодые люди опять занялись дверью, и, казалось, дружеские отношения были восстановлены. Если верить Пенелопе, мистер Франклин, воспользовавшись примирением, сделал мисс Рейчел предложение, на что девушка не ответила ни согласием, ни отказом. Моя дочь не сомневалась (по некоторым признакам, о которых здесь нет нужды распространяться), что ее юная госпожа уклонилась от предложения мистера Франклина, ибо сочла его несерьезным, а потом втайне пожалела, что обошлась с ним подобным образом. Хотя Пенелопу связывали с мисс Рейчел, с которой они вместе воспитывались, отношения более близкие, чем бывают обычно между госпожой и служанкой, я слишком хорошо знал сдержанный нрав юной госпожи, чтобы поверить в подобную откровенность с ее стороны. Пенелопа, скорее всего, принимала желаемое за действительное.

Девятнадцатого числа произошло еще одно событие. К нам приезжал доктор, мы вызвали его к нашей второй горничной Розанне Спирмен, о которой уже шла речь на этих страницах.

С тех пор как я отправился за бедной девушкой на Зыбучие пески, она не раз приводила меня в замешательство. Мнение Пенелопы, что Розанна влюблена в мистера Фран-

клина (мнение, которое моя дочь, по моему приказанию, держала в тайне), по-прежнему представлялось мне совершенно надуманным. В то же время должен сказать начистоту: наша вторая горничная, с которой не спускали глаз ни я, ни Пенелопа, последнее время вела себя более чем странно.

Девушка, например, постоянно попадалась мистеру Франклину на глаза, причем подстраивала эти встречи очень умело и незаметно, будто происходили они случайно. Он же обращал на нее не больше внимания, чем на кошку, ему и в голову не приходило хотя бы мельком бросить взгляд на ничем не примечательное лицо Розанны. Девушка и всегда-то ела мало, теперь же аппетит у нее и вовсе пропал; пропал и сон: утром по ее глазам, изможденному взгляду видно было, что по ночам она просыпается и плачет. Однажды Пенелопа сделала любопытное открытие, о котором мы с ней никому не сказали. Она застала Розанну возле туалетного столика мистера Франклина: девушка украдкой подменила розу, которую подарила ему мисс Рейчел, чтобы он носил ее в петлице сюртука, на точно такую же, но сорванную ею самой. В ответ на мою вполне доброжелательную рекомендацию следить за собой Розанна пару раз мне дерзила. И не только мне: не слишком почтительно, что уж совсем никуда не годится, она отвечала Рейчел, когда та по случаю к ней обращалась.

Миледи заметила, что с Розанной творится что-то неладное, и спросила меня, что я об этом думаю. Я постарался выгородить нашу горничную, ответив, что мне кажется, она не

совсем здорова. Кончилось тем, что девятнадцатого числа, как уже говорилось, послали за доктором, и тот сказал, что у девушки расстроены нервы, и дал понять, что ей следовало бы отказаться от места. Миледи предложила отправить Розанну на одну из наших отдаленных ферм в надежде, что перемена обстановки пойдет ей на пользу. Однако Розанна со слезами на глазах взмолилась оставить ее на прежнем месте, и я – черт меня дернул! – посоветовал миледи с этим решением повременить. Как показали дальнейшие события и как вы вскоре сами убедитесь, худшего совета я дать не мог. Загляни я хотя бы на несколько дней вперед, и я бы собственными руками выдворил Розанну Спирмен из нашего дома.

Двадцатого числа от мистера Годфри пришла записка: он предполагал остановиться на ночь во Фризингхолле у отца, к которому у него было какое-то дело. На следующий день он и две его старшие сестры должны были приехать к нам верхом задолго до обеда. К записке была приложена изящная фарфоровая шкатулка от кузена мисс Рейчел с любовью и лучшими пожеланиями в день рождения. Что же касается мистера Франклина, то он подарил кухне самый незамысловатый медальон, обошедшийся ему вдвое дешевле шкатулки. Однако моя дочь Пенелопа – ибо таково женское упрямство – продолжала, несмотря ни на что, верить в его успех.

Слава богу, мы дошли наконец до дня рождения. На этот раз, согласитесь, я не слишком отвлекался по пути. Радуйтесь: следующая глава, обещаю, введет вас в самую суть дела.

Глава IX

Двадцать первого июня, в день рождения мисс Рейчел, утром было пасмурно, но к полудню распогодилось.

Этот праздничный день мы, слуги, начали с того, что преподнесли мисс Рейчел наши скромные подношения, и я как стоящий во главе обслуживающего персонала произнес свою ежегодную речь. Подобно королеве в день открытия парламента, я каждый раз говорю примерно одно и то же. Мою речь (как и речь королевы) ждут с нетерпением, словно слышат ее впервые. Когда же выясняется, что ничего нового я не сказал, присутствующие хоть немного и ворчат, но искренне надеются, что в следующем году услышат что-то более оригинальное. Вывод? Управлять людьми – что в парламенте, что на кухне – большого труда не составляет.

После завтрака мы с мистером Франклином, уединившись, обсудили, как поступить с Лунным камнем: пришло время забрать его из фризингхольского банка и передать мисс Рейчел из рук в руки. Пытался ли он вторично объяснить своей кузине в любви и получил отказ, или же из-за продолжавшейся бессонницы еще больше обострились противоречивость его характера, присущая ему нерешительность – сказать не берусь. Как бы то ни было, утром праздничного дня он был, прямо скажем, не в лучшем виде: за двадцать минут он раз двадцать менял свою точку зрения на

то, как поступить с брильянтом. Что же до меня, то я придерживался известных вам договоренностей. За последнее время не произошло ничего такого, что бы дало нам повод посвятить миледи в историю с Лунным камнем, да и мистер Франклин обязан был, в соответствии с завещанием, передать его своей кухне. Таковы были мои соображения, и как бы мистер Франклин ни колебался, как бы ни менял своих планов, в конечном счете он не мог со мной не согласиться. Мы решили, что после второго завтрака он поедет верхом во Фризингхолл и заберет из банка брильянт, а на обратном пути ему, по всей вероятности, составят компанию мистер Годфри и его сестры.

Когда мы обо всем договорились, наш юный джентльмен вернулся к мисс Рейчел.

Всю первую половину дня они раскрашивали дверь. Пенелопа, как ей было велено, стояла рядом и смешивала краски, а миледи с приближением второго завтрака входила и выходила из комнаты, приложив к носу платок (в этот раз «составом» пользовались как никогда широко) и безуспешно пытаясь оторвать живописцев от творческого процесса. Только в три часа пополудни они сняли наконец фартуки, отпустили Пенелопу (пропитавшуюся составом с ног до головы) и привели себя в порядок. Они своего добились: дверь ко дню рождения была расписана, и им было чем гордиться. Нельзя не признать: грифоны, купидоны и им подобные были необычайно хороши собой, но набралось их так много,

они утопали в таких ярких цветах и причудливых узорах, их позы были столь неестественны, а движения хаотичны, что от всего этого красочного зрелища потом часами кружилась голова. Если ко всему этому я присовокуплю, что по окончании работы Пенелопу на кухне вырвало, то вовсе не потому, что состав мне не нравится. Нет-нет, когда состав высох, он перестал вонять, и если Искусство требует подобных жертв, то (хотя Пенелопа и приходится мне родной дочерью) принесем Искусству эту жертву!

Мистер Франклин перекусил и отправился во Фризингхолл – привезти, как он сообщил миледи, своих кузин. А заодно – и Лунный камень, о чем, впрочем, известно было только ему и мне.

В такие праздничные дни мне предназначалось занять место у буфета и распоряжаться во время обеда, а потому в отсутствие мистера Франклина мне было о чем подумать. Проследив, какое вино подается к столу, я произвел смотр мужской и женской прислуги, которой предстояло подавать на стол, и ушел к себе собраться с мыслями до приезда гостей. Затянувшись (вы знаете чем) и заглянув в книгу (вы знаете какую), я пришел в себя и телесно, и душевно. И погрузился – нет, не в сон, а в задумчивость, из которой меня вывел топот копыт. Подойдя к двери, я увидел въезжавшую в ворота кавалькаду, состоявшую из мистера Франклина, его кузена, двух кузин и сопровождавшего их грума старого мистера Эйблуайта.

Мистер Годфри поразил меня тем, что, как и мистер Франклин, был он явно не в духе. Тем не менее он, как обычно, пожал мне руку и сказал, что очень рад видеть своего старого друга Беттереджа в добром здравии. Был он, по какой-то непонятной мне причине, угрюм, и на мой вопрос, как он нашел своего отца, последовал короткий ответ: «Он ничуть не изменился». Зато кузины, не в пример брату, были веселей некуда. Рослые, светловолосые, румяные, ростом они не уступали мистеру Годфри; про таких, здоровых душой и телом, говорят: «Кровь с молоком». Ноги бедных лошадей буквально подгибались под ними, и когда они (без посторонней помощи) спешили, то, поверьте, подпрыгнули на гравии, точно резиновые мячи. Каждая их фраза начиналась с заглавного «О-о!»; все их действия сопровождалось громоподобным смехом – хохотали они по любому поводу; все, что происходило вокруг, вызывало у них истошный визг и хихиканье. «Хохотушки» – вот как я бы их прозвал.

Воспользовавшись невероятным шумом, производимым этими юными хохотушками, я обменялся в холле парой слов с мистером Франклином.

– Благополучно довели брильянт, сэр?

Он кивнул и похлопал по нагрудному карману своего сюртука.

– Индусы вам не встретились?

– Нет, не попадались. – И, выяснив у меня, где миледи, отправился к ней в малую гостиную. Однако не пробыл он

там и минуты, как раздался звонок, и Пенелопу послали к мисс Рейчел передать, что мистер Франклин Блейк хочет с ней поговорить.

Спустя полчаса, проходя через холл, я остановился как вкопанный: из малой гостиной раздавались громкие возгласы. Нельзя сказать, чтобы я встревожился – до меня донеслись голоса сестер Эйблуайт; из-за их любимого «О-о!» девушек нельзя было не узнать. Тем не менее я вошел, желая якобы получить распоряжения касательно обеда, а на самом деле – выяснить, не случилось ли чего.

У стола с отсутствующим видом стояла мисс Рейчел со злосчастным брильянтом полковника в руке. По обе стороны от нее, пожирая драгоценный камень жадным взглядом и вскрикивая от восторга всякий раз, когда он переливался на свету, стояли на коленях Хохотушки. По другую сторону стола расположился мистер Годфри, он хлопал в ладоши, точно младенец, и нараспев повторял: «Фантастика! Фантастика!» Возле книжного шкафа сидел на стуле мистер Франклин, он теребил бородку и с тревогой поглядывал в сторону окна. У окна же, повернувшись спиной к собравшимся и сжимая в руке выписку из завещания полковника, стояла миледи.

Когда я обратился к ней за распоряжениями, она смерила меня пристальным взглядом, и мне в глаза бросились посемейному насупленные брови и подрагивающие от гнева уголки рта.

– Зайдете ко мне в комнату через полчаса, – распорядилась она. – У меня к вам разговор. – И с этими словами миледи вышла из гостиной. Было совершенно ясно: история с брильянтом поставила ее в тупик точно так же, как и нас с мистером Франклином, когда мы обсуждали ситуацию на Зыбучих песках. Как следовало понимать историю с завещанием полковника? Что миледи обошлась с ним жестоко и несправедливо? Или же что ее брат оказался еще хуже, чем она о нем думала? Перед моей госпожой стояла нелегкая задача, чего не скажешь о ее дочери; пребывая в полном неведении о том, что собой представлял полковник, девушка с восхищением разглядывала его подарок.

Прежде чем я успел, в свою очередь, выйти из комнаты, мисс Рейчел – она всегда была внимательна к своему старому слуге, которого помнила с рождения, – меня остановила. «Нет, вы только взгляните, Гэбриэл!» – сказала она, подставив брильянт под пробивавшийся в окно солнечный луч.

Боже правый! Вот это брильянт так брильянт! Величиной с яйцо! Сияет, точно полная луна! Его насыщенная желтизна притягивала взгляд с такой силой, что все остальное меркло перед глазами. Этот камень, который умещался между большим и указательным пальцем, казался необъятным, как само небо. Сперва мы положили его на солнце, потом задержали занавески, и он засверкал в темноте, осветив комнату глубоким, непроницаемым лунным светом. Неудивительно, что мисс Рейчел лишилась дара речи; неудивительно, что кузины

визжали от восторга. Да я и сам был так потрясен, что изо рта у меня вырывалось такое же громкое «О-о!», как у Хохотушек. Самообладание сохранял разве что мистер Годфри. Он обнял сестер за талию и, переводя снисходительный взгляд с брильянта на меня и обратно, изрек: «Уголь, Беттередж! Всего-навсего уголь, мой дорогой друг! Не более того!»

Надо полагать, он имел в виду меня просветить. В действительности же лишь напомнил об обеде, и я поплелся вниз возглавить армию своей вышколенной прислуги. Выходя из гостиной, я услышал, как мистер Годфри сказал: «Старый добрый Беттередж! Как же я к нему привязан!» Он одновременно достаивал меня своим расположением, обнимал сестер и, в придачу, поедал глазами мисс Рейчел – неподражаемая любвеобильность! По сравнению с ним мистер Франклин был настоящий дикарь.

Через полчаса я, как мне было велено, явился в комнату миледи.

Мой разговор с леди Джулией мало отличался от того, который мы вели на Зыбучих песках с мистером Франклином. На этот раз, правда, я поостерегся говорить ей о фокусниках – беспокоить ее на этот счет мне не хотелось. Ничего ведь, по существу, за это время не произошло. Уходя от миледи, я сделал вывод, что мотивы полковника показались моей госпоже крайне подозрительными, что она ему не верит и склонна при первом удобном случае забрать у дочери Лунный камень.

Возвращаясь к себе, я повстречал мистера Франклина, и тот спросил, не видел ли я его кузину Рейчел. Нет, не видел. А где его кузен Годфри? Этого я тоже не знал, хотя у меня закралось подозрение, что кузен Годфри находится неподалеку от кузины Рейчел. Мистер Франклин придерживался на сей счет, по всей видимости, того же мнения. Он дернул себя за бородку и заперся в библиотеке, громко, со значением, хлопнув дверью.

Оставшееся до приезда гостей время я тщательно готовился к праздничной трапезе, а затем отправился к себе принарядиться. Не успел я надеть белый жилет, как явилась в состоянии крайнего возбуждения моя дочь Пенелопа. Она заявила, что пришла завязать мне мой белый галстук и причесать волосы (те немногие, что еще оставались). На самом же деле ей, конечно, хотелось кое о чем со мной посекретничать.

– У меня новости, отец! – прошептала она, целуя меня в лысину. – Мисс Рейчел ему отказала.

– Кому *ему*?

– Члену женского благотворительного общества, – сказала Пенелопа. – Вот ведь гадкий прохвост! Задумал обскакать нашего мистера Франклина. Терпеть его не могу!

В эту минуту моя дочь под напором эмоций так сильно затянула мне галстук, что я чуть не задохнулся – в противном случае я бы обязательно выговорил ей. Негоже, сказал бы я, говорить такое про известного филантропа.

– Я заметила, как он увел ее в сад, – продолжала Пенелопа, – и спряталась за остролистом посмотреть, как они будут возвращаться. В сад они вышли, держась за руки и смеясь. А вот вернулись врозь, оба мрачнее тучи, смотрят в разные стороны – тут уж не ошибешься. Я никогда еще так не радовалась, отец! Это первая женщина, которая не поддалась мистеру Годфри Эйблуайту! А я, будь я леди, была бы второй!

Тут бы я вновь ее упрекнул, если б в это самое время моя дочь не схватила щетку для волос и не принялась с бешеной энергией обрабатывать мою бедную лысую голову. Если вы лысы, то поймете, как она меня исцарапала. Если же нет, пропустите эти строки и благодарите Бога, что у вас что-то растет между головой и расческой.

– По другую сторону остролиста, – продолжала Пенелопа, – мистер Годфри замедлил шаг. «Вы предпочитаете, – говорит, – чтобы я остановился в вашем доме, как будто ничего не произошло?» Мисс Рейчел повернулась к нему с быстрой молнии. «Вы приняли приглашение моей матери, – сказала она, – и мы на вас рассчитываем. Если не хотите дать повод для сплетен, то вы, конечно же, останетесь!» Она сделала несколько шагов в сторону дома, а потом как будто бы немного смягчилась. «Годфри, давайте забудем, что между нами произошло, – сказала она, – и останемся двоюродными братом и сестрой». Мисс Рейчел протянула ему руку, он ее поцеловал, что, на мой взгляд, было с его стороны вольностью, после чего ушла. Мистер Годфри немного постоял,

опустив голову и неторопливо копая пяткой ямку на гравийной дорожке. Ни разу не видела, чтобы человека так выводили из себя. «Черт знает что! – процедил он сквозь зубы, потом поднял голову, направился к дому и повторил еще раз: – Черт знает что!» Если под чертом он разумел самого себя, то был совершенно прав. Так и есть, настоящий черт. Вот видите, папаша, вышло все именно так, как я вам с самого начала и говорила, – воскликнула Пенелопа, не пощадив напоследок мою бедную лысину. – Ура! Мистер Франклин взял вверх!

Я отобрал у дочери щетку и раскрыл было рот, чтобы ее отругать, ибо поведение и язык Пенелопы, согласитесь, не выдерживали никакой критики. Однако не успел я сказать хоть слово, как с улицы послышался скрип колес по въездной аллее. Начали съезжаться гости. Пенелопа тотчас же убежала, а я надел фрак и подошел к зеркалу. Голова моя была красна, как у сваренного лобстера, в остальном же для праздничной церемонии я был одет именно так, как надо. Я поспешил в холл объявить о приезде двух первых гостей. Особого интереса они не представляли – всего-навсего родители нашего филантропа, мистер и миссис Эйблуайт.

Глава X

Вслед за Эйблуайтами пожаловали и другие, и вскоре собрались все приглашенные – в общей сложности, вместе с

членами семьи, двадцать четыре человека. Какое же прекрасное зрелище являли собой наши гости, когда они расселись наконец по своим местам за обеденным столом, и наш пастор из Фризингхолла (к слову, превосходный оратор) встал и прочел молитву.

Не стану занимать ваше внимание описанием гостей. Вы их – по крайней мере, в моей части рассказа – больше не встретите. Исключение составляли лишь два человека.

Они заняли места по обе стороны от мисс Рейчел, которая, как главному действующему лицу и положено, находилась в центре внимания. Причем повышенного, ибо (к тайному неудовольствию миледи) на груди ее красовался Лунный камень – незабываемый подарок ко дню рождения, превосходящий все прочие. Мистер Франклин вручил ей брильянт без оправы, однако, мастер на все руки, он ухитрился, при посредстве ловких пальцев и мотка серебряной проволоки, приколоть его, будто брошку, к вырезу на ее белом платье. За столом не было, разумеется, ни одного человека, который бы не восхищался невиданным размером брильянта и его красотой. Но лишь два гостя, сидевшие, как говорилось, по правую и левую руку от мисс Рейчел, сумели сказать нечто запоминающееся.

Гостем, разместившимся слева от именинницы, был наш фризингхолльский врач мистер Кэнди, славный, общительный человек небольшого роста. Неутомимый остроумец, он отпускал свои шуточки кстати и некстати и имел обык-

новение пускаться, не подумав, в разговор с незнакомыми людьми. В обществе он то и дело попадал впросак и без всякой задней мысли не раз ссорил между собой людей. В своей медицинской практике, однако, вел он себя куда осмотрительнее и (как считали его недоброжелатели), руководствуясь инстинктом, нередко оказывался более прозорлив, чем его рассудительные коллеги. Когда зашел разговор о брильянте, он, по обыкновению, отпустил шутку, причем престранную, – попросил мисс Рейчел (как он выразился, «в интересах науки») разрешить ему забрать брильянт домой и его сжечь. «Мы сначала нагреем камень до определенной температуры, – сказал доктор мисс Рейчел, – а потом подвергнем его действию воздуха, отчего брильянт мало-помалу испарится, что избавит вас от хлопот, связанных с хранением столь ценного сокровища». У миледи в это время лицо было такое озабоченное, что казалось, ей хочется, чтобы доктор говорил всерьез и убедил мисс Рейчел пожертвовать в интересах науки своим подарком.

Гость, сидевший справа от моей юной госпожи, был известный путешественник по Индии мистер Мертуэйт; с риском для жизни он, изменив внешность, проникал в такие глухие места, куда еще не ступала нога европейца.

Это был долговязый, худой, жилистый, смуглый молчаливый человек со скучающим, но цепким и твердым взглядом. Говорили, что Мертуэйту приелась здешняя жизнь и ему не терпится вновь пуститься в странствия по экзотическим зем-

лям Востока. За вычетом того, что мистер Мертуэйт сказал мисс Рейчел о ее подарке, за весь вечер он не произнес и шести слов, не выпил и одного бокала вина. Только Лунный камень, слух о котором дошел до путешественника в одном из полных опасностей диких мест, куда он проник, вызвал у него определенный интерес. После того как мистер Мертуэйт молча вперился в брильянт и так долго не сводил с него глаз, что мисс Рейчел пришла в некоторое замешательство, он обратился к ней с присущей ему невозмутимостью. «Если вы когда-нибудь соберетесь в Индию, мисс Вериндер, не берите с собой подарок, который преподнес вам ваш дядюшка на день рождения. Индийский брильянт часто является в Индии предметом религиозного культа. Мне известен некий город и некий храм в этом городе, где, появившись вы с этим камнем, я не дал бы за вашу жизнь и пенса». В Англии мисс Рейчел ничего не грозило, а потому она не без удовольствия слушала о том, какой опасности она бы подверглась в Индии. Хохотушки пребывали в полном восторге; с грохотом побросав ножи и вилки, они наперебой закричали: «О-о! Как интересно!» Отчего миледи заерзала на стуле и заговорила на другую тему.

Обед меж тем шел своим чередом, и с каждой минутой я все более и более убеждался, что сегодняшний праздник, в отличие от предыдущих того же рода, не удался.

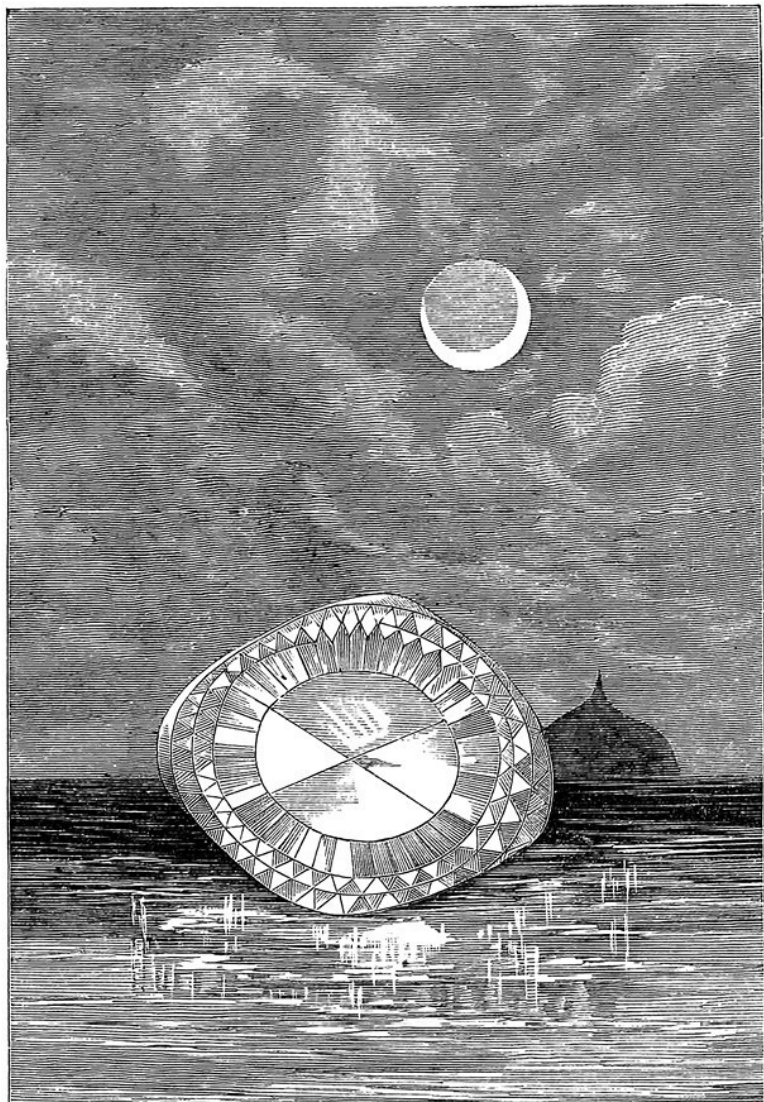
Вспоминая день рождения мисс Рейчел в свете того, что произошло впоследствии, я склонен думать, что проклятый

брильянт испортил нам вечер. Я подливал гостям вино и по-хозяйски обносил их теми блюдами, что не пользовались успехом, доверительно приговаривая: «Прошу вас, попробуйте, это вас отвлечет, уверяю вас, не пожалеете». В девяти случаях из десяти они и в самом деле отвлекались (из уважения, как им угодно было говорить, к старому оригиналу Беттереджу), но ненадолго. Разговор не клеился, отчего лично мне становилось неловко. Когда же кто-то из гостей прерывал молчание, то как-то очень уж нарочито и некстати. Мистер Кэнди, к примеру, высказывался еще неудачнее обычного. Приведу лишь один пример, и вы поймете, как неловко я себя чувствовал, стоя у буфета и исполняя обязанности человека, который всем сердцем желал застолью успеха.

Среди присутствовавших на обеде дам была вдова профессора Тредголла, почтенная миссис Тредголл. Сия достойная гостья только и говорила о своем покойном супруге, однако ни разу не упомянула, что мужа уже давно нет в живых, вероятно полагая, что в королевстве не найдется ни одного мало-мальски просвещенного англичанина, которому сей прискорбный факт не был бы известен. Когда за столом в очередной раз воцарилось молчание, кто-то заговорил об анатомии – предмете довольно пресном и малопривлекательном, и достойнейшая миссис Тредголл вновь заговорила о муже, не сказав, что он умер. Анатомия, по ее словам, была любимым занятием профессора в часы досуга. Мистер Кэнди (о смерти профессора он понятия не имел) отозвался, как и пола-

гается человеку светскому, на увлечение Тредголла следующим образом.

– Хирургический колледж, – громким, жизнерадостным голосом произнес сидевший напротив миссис Тредголл мистер Кэнди, – недавно приобрел несколько превосходных скелетов. Очень рекомендовал бы профессору, сударыня, взглянуть на них, когда у него выдастся свободное время.

Над столом повисла мертвая тишина. Гости (из уважения к памяти профессора) сидели не шелохнувшись. Я в это время стоял за стулом миссис Тредголл и незаметно для остальных подливал ей рейнвейна. Миссис Тредголл уронила голову на грудь и едва слышным голосом произнесла:

– Моего возлюбленного супруга нет больше на этом свете.

К несчастью, мистер Кэнди не услышал, что она говорит, и как ни в чем не бывало продолжал еще громче и почтительнее прежнего:

– Возможно, уважаемый профессор не знает, что при наличии карточки члена колледжа он имеет право бывать там в любой день, кроме воскресенья, с десяти часов утра до четырех часов дня.

Миссис Тредголл уткнулась лицом в складки на платье и еще тише, чем в первый раз, отчеканила:

– Моего возлюбленного супруга нет больше на этом свете.

Я делал мистеру Кэнди знаки через стол. Мисс Рейчел толкала его локтем. Миледи бросала на него выразительные взгляды. Бесполезно! Доктора, преисполненного лучшими чувствами, было не остановить.

– С удовольствием, – сказал он почтенной вдове, – пришлю профессору мою карточку, если вы сооблаговолите сообщить мне его нынешний адрес.

– Его нынешний адрес, сэр, – *могила*, – отозвалась миссис Тредголл дрожащим от обиды голосом, да так громко, что на

столе зазвенела посуда. — Профессор скончался уже десять лет как.

— Боже милостивый! — вырвалось у мистера Кэнди.

За исключением Хохотушек, которые прыснули со смеху, гости приуныли; казалось, все готовы были провалиться сквозь землю вместе с профессором и звать, как и он, из могилы.

Впрочем, неподобающе в тот вечер вел себя отнюдь не только мистер Кэнди. Когда нужно было говорить, гости молчали; когда говорили, то, как правило, невпопад. Мистер Годфри, столь велиречивый в общественных местах, в частном доме предпочитал помалкивать. То ли он дулся, то ли робел после постигшего его в саду разочарования — не знаю. Если он и раскрывал рот, то лишь беседуя со своей соседкой, нашей дальней родственницей, членом правления его благотворительного общества, одухотворенной особой с торчащими из-под платья ключицами и пристрастием к шампанскому — сухому и в немалых дозах. Я стоял возле буфета у них за спиной и из того, что слышал, открывая вино и нарезая баранину, смог сделать вывод: общество лишилось весьма поучительной беседы. Что они говорили о благотворительности, я, признаться, пропустил мимо ушей, когда же прислушался, о чем идет речь, они уже давно перестали рассуждать о женщинах, разрешающихся от бремени, и о женщинах, испытывающих нужду, и заговорили о вещах куда более серьезных. Религия невозможна без любви (говорил своей

соседке мистер Годфри, пока я откупоривал бутылки и резал мясо). А любовь невозможна без веры. Земля – это небеса, пусть и не безоблачные. А небо – это земля, очищенная от скверны. На земле хватает людей с предосудительным поведением, зато, попав на небеса, все женщины станут членами огромного благотворительного общества, где никто никогда не ссорится и где мужчины будут выполнять при них роль ангелов-хранителей. Замечательно! Грандиозно! Но почему было не сказать обо всем этом во всеуслышание?!

Вы, должно быть, думаете, что мистеру Франклину удалось развлечь собравшихся?

Ничего подобного. Надо признать, он совершенно оправился и пребывал в самом раскрепощенном настроении; подозреваю, что Пенелопа известила его о том, какое фиаско потерпел в саду мистер Годфри. Говорил мистер Франклин много и охотно, но по большей части выбирал, увы, не самую удачную тему для разговора или же обращался не к тому, к кому следовало, в результате чего озадачил всех сидевших за столом, а кого-то и обидел. Его заграничное воспитание, манеры, усвоенные во Франции, Германии и Италии, о чем уже шла речь, привели гостей в замешательство.

Взять, к примеру, его рассуждение о том, куда может завести замужнюю женщину увлечение чужим мужем; рассуждение, которым он с истинно французским остроумием поделился со старой девой, теткой фризингхольского викария. Или лекцию, которую, сменив французское остроумие на

немецкую дотошность, прочел он местному землевладельцу, когда тот, признанный авторитет по части скотоводства, поделился своим опытом в разведении быков. Опыт, возразил ему мистер Франклин, ничего не дает; для разведения таких животных следует в первую очередь, погрузившись в глубины собственного разума, воссоздать в нем идею образцового быка, дабы затем таковой появился на свет. Или возьмите его ответ члену совета нашего графства, который, когда подали сыр и салаты, разгорячившись, ополчился на распространение демократии в Англии и заявил, обращаясь к мистеру Блейку: «Если мы лишимся наших исконных прав, с чем, позвольте спросить, мы останемся?!» Мистер Франклин – на этот раз с итальянской эмоциональностью – вскричал: «С чем мы останемся, говорите? С тремя вещами – с любовью, музыкой и салатом». Когда же дало себя знать его английское происхождение, он утратил весь свой заграничный лоск и, заговорив о медицине, принялся с таким жаром высмеивать докторов, что даже добродушный маленький мистер Кэнди пришел в ярость.

Спор между ними начался с того, что мистер Франклин вынужден был – уж не помню, в какой связи, – признаться, что последнее время страдает бессонницей. На это мистер Кэнди сказал, что у него расстроены нервы и ему следует незамедлительно начать принимать лекарство. Мистер Франклин возразил, что, по его глубокому убеждению, принимать лекарство – это то же самое, что идти на ощупь

впотьмах. «Это вы идете на ощупь впотьмах в поисках сна, – нашелся мистер Кэнди, – и без лекарств вам его не найти». Не растерялся и мистер Франклин. «Я не раз слышал, – сказал он, – как слепой ведет слепого, и только теперь наконец понял, что это значит». Обмен меткими выпадами продолжался еще какое-то время, пока они оба не вышли из себя, особенно пустившийся отстаивать свою профессию мистер Кэнди, и миледи была вынуждена вмешаться и спор прекратить. После чего гости совсем заскучали. Какое-то время они еще обменивались незначущими репликами, но как-то вымученно, безо всякого интереса. Над сидящими за столом витал дух Сатаны (или Желтого брильянта), и все вздохнули с облегчением, когда моя госпожа встала и подала дамам знак покинуть мужчин и перейти в гостиную.

Не успел я поставить перед старым мистером Эйблуайтом (который выступал в роли хозяина дома) графины с вином, как со стороны террасы послышались звуки, из-за которых я напрочь забыл о своих обязанностях. Мы с мистером Франклином переглянулись: до нас донесся бой индийского барабана. Даю голову на отсечение: с появлением в доме Лунного камня не преминули появиться и фокусники!

Когда индусы, обогнув дом, стали подниматься на террасу, я бросился фокусникам навстречу, чтобы преградить им путь. Но мне не повезло: меня опередили Хохотушки. Они пулей вылетели на террасу – им не терпелось посмотреть,

какие фокусы покажут заморские гости. За ними последовали и другие дамы, вскоре присоединились к ним и мужчины. В следующее мгновение мошенники уже раскланивались зрителям, а Хохотушки целовали хорошенького мальчика.

Мистер Франклин встал рядом с мисс Рейчел, а я – позади нее. Девушка, на платье которой на виду у всех красовался Лунный камень, даже не подозревала, какая опасность ей угрожает.

Не помню, какие фокусы индусы показывали и как они это делали. То ли я был раздосадован неудачным застольем, то ли сбит с толку внезапным появлением мошенников, которые вернулись как раз вовремя, чтобы увидеть брильянт собственными глазами, – но должен признать, я растерялся. Из оцепенения меня вывел путешественник по Индии мистер Мертуэйт. Обойдя стоявших и сидевших полукругом зрителей, он незаметно подошел сзади к фокусникам и, к всеобщему удивлению, заговорил с ними на их родном языке.

Даже пырни он их штыком, индусы вряд ли испугались бы сильнее. Стоило мистеру Мертуэйту произнести первые слова, как они повернулись к нему с поистине тигриным проворством. В следующую минуту они уже низко ему кланялись с присущими им услужливостью и коварством. Обменявшись с ними несколькими словами на никому не известном наречии, мистер Мертуэйт отошел в сторону так же незаметно, как подошел. Главный фокусник – он выполнял роль переводчика – вновь повернулся к собравшимся на террасе.

Я заметил, что после разговора с мистером Мертуэйтом его шоколадное лицо сделалось серым. Он поклонился миледи и объявил, что представление подошло к концу. Хохотушки не скрывали своего разочарования, которое выразили громким, негодующим «О-о!». Главный фокусник почтительно приложил руку к груди и повторил, что представление закончено. Мальчик обошел гостей с шляпой. Дамы направились обратно в гостиную, а джентльмены (за исключением мистера Франклина и мистера Мертуэйта) вернулись к своему вину. Я же вместе с лакеем последовал за индусами к воротам, чтобы удостовериться, что они покинули усадьбу.

Возвращаясь в дом, я почувствовал запах табака и обнаружил, что по дорожке между деревьями прогуливаются мистер Франклин и мистер Мертуэйт, который курил манильскую сигару. Мистер Франклин сделал мне знак к ним присоединиться.

– Это Гэбриэл Беттередж, старый слуга и друг нашей семьи, о котором я вам только что говорил, – представил меня знаменитому путешественнику мистер Франклин. – Расскажите ему, пожалуйста, то, что вы только что рассказали мне.

Мистер Мертуэйт вынул изо рта сигару и со свойственным ему утомленным видом прислонился к дереву.

– Мистер Беттередж, – начал он, – эти три индуса – такие же фокусники, как мы с вами.

Вот те на! Я, естественно, спросил у путешественника, не встречался ли он с этими индусами раньше.

– Нет, – ответил мистер Мертуэйт. – Но я хорошо знаю, что такое индийские фокусы. Всё, что вы видели сегодня, – это всего лишь очень плохое и топорное подражание этим фокусам. Если мой опыт меня не обманывает, перед нами выступали не фокусники, а брамины высшей касты. Я обвинил их в том, что они – не те, за кого себя выдают, и вы видели, как они перепугались, а ведь индусы умеют скрывать свои чувства. В их поведении есть какая-то тайна, но раскрыть ее мне не по силам. Законы своей касты они нарушили дважды: сначала переплыли море, а затем выдали себя за фокусников. В стране, откуда они родом, это тяжкое преступление. Чтобы по возвращении на родину оправдаться перед членами своей касты, брамины должны будут объяснить, чем они руководствовались.

Моему изумлению не было предела. Мистер Мертуэйт продолжал курить свою манильскую сигару. Прервал молчание мистер Франклин – он, как мне показалось, никак не мог решить, какие особенности своего многонационального характера пустить в ход на этот раз.

– Мистер Мертуэйт, – сказал он, – я не решился бы забивать вам голову нашими семейными делами, которые вас едва ли интересуют и которыми я не склонен делиться с посторонними. Но после того, что вы нам рассказали, я считаю себя обязанным в интересах леди Вериндер и ее дочери сообщить вам то, что, может статься, поможет раскрыть эту тайну. Вы меня очень обяжете, если не забудете, что это

секрет.

И он рассказал путешественнику то же, что и мне на Зыбучих песках. Даже такой невозмутимый человек, как мистер Мертуэйт, настолько заинтересовался этим рассказом, что не заметил, как у него погасла сигара.

– Итак, – спросил мистер Франклин, когда его рассказ был закончен, – что подсказывает вам ваш опыт?

– Мой опыт, – отвечал путешественник, – подсказывает, что даже я ни разу не рисковал своей жизнью так, как рискуете вы, мистер Франклин Блейк.

Пришла очередь удивляться мистеру Франклину.

– По-вашему, это настолько серьезно? – спросил он.

– По-моему, да, – ответил мистер Мертуэйт. – Теперь у меня нет никаких сомнений: возвращение Лунного камня на лоб индийского идола служит причиной и оправданием того нарушения законов касты, о котором шла речь. Эти люди будут ждать удобного случая с долготерпением кошек и воспользуются им со свирепостью тигра. Не понимаю, как вам удалось от них спастись, – сказал знаменитый путешественник, вновь закулив сигару и глядя в упор на мистера Франклина. – Вы разъезжали с брильянтом и здесь, и в Лондоне – и до сих пор живы! Постараемся разобраться почему. Вы ведь оба раза забирали брильянт из лондонского банка в дневное время, не так ли?

– Да, середь бела дня.

– И на улицах было много народу?

– Да, очень много.

– К леди Вериндер вы должны были приехать в определенное время, я правильно понимаю? Места здесь безлюдные. Вы приехали в назначенный час?

– Нет, я приехал на четыре часа раньше.

– С чем я вас и поздравляю. Когда вы отвезли брильянт в здешний банк?

– Через час после приезда и за три часа до того времени, когда меня ждали.

– Поздравляю еще раз! А обратно вы везли Лунный камень в одиночестве?

– Нет, из города я ехал вместе с кузеном, кузинами и грумом.

– В таком случае позвольте поздравить вас в третий раз! Если когда-нибудь вы вздумаете отправиться в экзотические страны, мистер Блейк, дайте мне знать, и я к вам присоединюсь. Вы везучий человек.

Тут уж я не смолчал, все мое английское естество сопротивлялось его логике.

– Не хотите ли вы сказать, сэр, – воскликнул я, – что индусы, предоставь мистер Франклин им такую возможность, лишили бы его жизни только ради того, чтобы вернуть себе брильянт?

– Вы курите, мистер Беттередж? – осведомился путешественник.

– Да, сэр.

– Вы дорожите золой, которую выбиваете из трубки?

– Нет, сэр.

– Так вот, в стране, откуда родом эти люди, человеческой жизнью дорожат ничуть не больше, чем вы дорожите золой из трубки. Если бы для возвращения брильянта понадобилось убить тысячу человек и если бы индусы знали, что это сойдет им с рук, это преступление они совершили бы без малейших колебаний. Нарушение законов касты стоит в Индии дорого; человеческая жизнь не стоит ничего.

– В таком случае, – сказал я, – эти люди, на мой взгляд, – шайка грабителей и убийц.

– А на мой взгляд, – возразил мистер Мертуэйт, – это удивительный народ.

На взгляд же мистера Франклина, стоило бы прекратить спор и вернуться к судьбе Лунного камня.

– Они видели его на платье мисс Вериндер, – сказал он. – Что нам теперь делать?

– То же, что грозил сделать ваш дядя, – ответил мистер Мертуэйт. – Полковник Хернкасл знал, с кем имеет дело. Отправьте завтра же брильянт в Амстердам под надежной охраной и велите разбить его на полдюжины камней. С исчезновением священного Лунного камня исчезнет и опасность заплатить за него жизнью.

Мистер Франклин повернулся ко мне.

– Делать нечего, – сказал он, – придется завтра же поговорить с леди Вериндер.

– Стоит ли ждать до завтра, сэр? – спросил я у мистера Мертуэйта. – А что, если индусы вернутся?

Мистер Франклин хотел что-то сказать, но мистер Мертуэйт его опередил:

– Сегодня вечером индусы не вернутся. Не рискнут. Напрямую они не действуют почти никогда, тем более в таком деле, когда малейшая ошибка чревата неудачей.

– А что, если мошенники окажутся смелее, чем вы предполагаете? – настаивал я.

– Тогда спустите собак, – сказал мистер Мертуэйт. – У вас ведь есть большие собаки?

– Есть, две, сэр. Мاستиф и ищейка.

– То, что надо. В создавшейся ситуации, мистер Беттередж, у мاستифа и ищейки есть одно несомненное преимущество: их вряд ли будет мучить совесть, если они покусятся на неприкосновенность человеческой жизни.

Не успел мистер Мертуэйт напоследок меня поддеть, как из гостиной донеслись звуки фортепиано. Путешественник выбросил сигару, взял мистера Франклина под руку и направился к дамам. Я последовал за ними и обратил внимание, что небо заволокло тучами. Заметил это и мистер Мертуэйт, он повернулся ко мне, бросил на меня насмешливый взгляд и обронил:

– Боюсь, сегодня вечером индусам понадобятся зонтики, вы не находите, мистер Беттередж?

Хорошо было ему шутить! Но я знаменитым путеше-

ственным не был, в далеких заморских странах не бывал и с ворами и убийцами дела не имел. Я вошел к себе в комнату, сел и, обливаясь потом, стал думать, как быть дальше. В столь тревожном состоянии духа иные довели бы себя до лихорадки, я же закурил трубку и раскрыл «Робинзона Крузо».

Не прошло и пяти минут, как на странице сто шестьдесят первой я прочел следующие поразительные слова:

Страх опасности в десять тысяч раз страшнее самой опасности, видимой глазу, и мы убеждаемся, что бремя тревоги не в пример тяжелее, чем те несчастья, что нас тревожат.

У человека, который после таких слов не оценит по достоинству «Робинзона Крузо», либо не все дома, либо же от самонадеянности он не видит ничего вокруг. Доводы рассудка на него не действуют; лучше сохранить их для кого-то более доверчивого и менее самонадеянного.

Не уставая восхищаться этой замечательной книгой, я докуривал вторую трубку, когда явилась Пенелопа (она подавала гостям чай) и дала мне подробный отчет о том, что в настоящее время происходит в гостиной. Хохотушки пели дуэтом, заливаясь разноголосым «О-о!» под соответствующую музыку. Миледи играла в вист и, против обыкновения, совершала ошибку за ошибкой. Великий путешественник мирно посапывал в углу. Мистер Франклин потешался над мистером Годфри и над женской благотворительностью в его

лице. Мистер Годфри не давал себя в обиду и огрызался в ответ, что столь благожелательному джентльмену не пристало. Мисс Рейчел, дабы утешить миссис Тредголл, показывала ей фотографии и, одновременно с этим, обменивалась с мистером Франклином взглядами, смысл которых не мог ввести в заблуждение даже самую простодушную горничную. Что же касается мистера Кэнди, нашего доктора, то он по неизвестной причине исчез было из комнаты, однако вскоре вернулся и вступил в разговор с мистером Годфри. Одним словом, обстановка в гостиной была куда лучше, чем за обеденным столом. Оставалось продержаться еще час, пока бог времени не придет нам на помощь, не подгонит к крыльцу экипажи и не избавит нас от засидевшихся гостей.

Все сходит на нет в этом мире. В том числе и благотворное действие «Робинзона Крузо». Когда Пенелопа меня покинула, я вновь занервничал и решил, пока нет дождя, обойти во-круг дома. Вместо лакея, чей человеческий нос был, случись что непредвиденное, бесполезен, я взял с собой мастифа – уж на его-то нос можно было положиться. Мы с ним дошли до ворот, вышли на дорогу и вернулись ни с чем: скрывавшиеся в кустах злоумышленники нам не попались.

Приезд экипажей знаменовал собой начало дождя. Полил он с такой силой, словно собирался идти не переставая всю ночь. За исключением доктора, которого ожидала открытая двуколка, все остальные гости со всеми удобствами разместились в каретах. «Боюсь, – сказал я мистеру Кэнди, – как

бы вы не промокли насквозь», и вот что он мне ответил: «С вашим богатым жизненным опытом вы могли бы знать, что докторская кожа непромокаема». И с этими словами мистер Кэнди укатил под дождем, смеясь собственной незамысловатой шутке.

Расскажем теперь, что произошло ночью, когда гости разъехались.

Глава XI

Когда я вернулся в холл, Сэмюэль стоял у углового столика и смешивал бренди с содовой. Из гостиной в сопровождении обоих джентльменов вышли миледи и мисс Рейчел. Мистер Годфри взял стакан бренди с содовой, а мистер Франклин от бренди отказался и сел; вид у него был смертельно усталый: застольная беседа, как видно, не пошла ему впрок.

Миледи пожелала джентльменам спокойной ночи и, пристально посмотрев на подарок полковника, переливавшийся на платье дочери всеми цветами радуги, спросила:

– Скажи, Рейчел, куда ты собираешься спрятать на ночь свой брильянт?

Мисс Рейчел находилась в том веселом расположении духа, когда хочется нести вздор и при этом настаивать на своей правоте; такое бывает у молодых впечатлительных девиц после напряженного дня. Сперва она заявила, что понятия не имеет, куда положить брильянт. Потом сказала: «Поло-

жу его на туалетный столик вместе с другими вещами, куда ж еще!» Потом сообразила, что брильянт будет светиться в темноте и этот жуткий желтый свет не даст ей заснуть. Потом вспомнила про резной индийский шкафчик, стоявший у нее в гостиной, и тут же решила спрятать брильянт туда – пусть прекрасные индийские драгоценности любуются друг другом. Мать, которая некоторое время слушала всю эту чепуху, ее перебила:

– Дорогая, но ведь твой индийский шкафчик не запирается.

– Помилуй, мама! – вскричала мисс Рейчел. – Мы же не в гостинице! Разве в нашем доме есть воры?

Не обратив никакого внимания на то, как отреагировала дочь на ее слова, миледи пожелала джентльменам спокойной ночи, после чего повернулась к мисс Рейчел и ее поцеловала.

– Не хочешь на ночь отдать брильянт *мне*? – спросила она.

Для мисс Рейчел это было все равно как если бы лет десять назад ей предложили расстаться с новой куклой. Миледи поняла, что сегодня с дочерью лучше не спорить.

– Когда завтра встанешь, – сказала она, – сразу же приходи ко мне. Мне надо будет с тобой поговорить.

И с этими словами миледи медленным шагом вышла из комнаты. Она была погружена в свои мысли, и мысли эти были, по всей видимости, не самые радужные.

Вслед за матерью пожелала кузенам доброй ночи и мисс Рейчел. Сначала она пожала руку мистеру Годфри, который

стоял в противоположном конце холла и рассматривал картину. Потом вернулась к мистеру Франклину – он по-прежнему с отрешенным видом, молча сидел в углу.

О чем они говорили, сказать не могу. Но я стоял у нашего массивного зеркала в дубовой раме и видел в него, как мисс Рейчел, прежде чем уйти спать, украдкой извлекла из-за корсажа подаренный им медальон и показала его мистеру Франклину с загадочной улыбкой. Тут-то я и усомнился в своей правоте: Пенелопа, пожалуй, не ошиблась в чувствах своей юной госпожи.

Когда мисс Рейчел ушла, мистер Франклин наконец прозрел и обратил на меня внимание. Человек переменчивый, он уже успел переменить и свое отношение к индусам.

– Беттередж, – сказал он, – допускаю, что я чересчур серьезно воспринял слова мистера Мертуэйта, когда мы с ним прогуливались под деревьями. Путешественники ведь любят присочинить, не так ли? Вы что, и правда собираетесь спустить сегодня ночью собак?

– Я сниму с них ошейники, сэр, – ответил я. – Пусть побегает, вдруг учуют чужой след.

– Хорошо, – сказал мистер Франклин. – Завтра посмотрим, что делать дальше. Без серьезных оснований тревожить тетушку мне бы не хотелось. Спокойной ночи.

Был он так бледен, так утомлен, что, когда он, кивнув мне на прощанье, взял свечу, чтобы подняться наверх, я решил посоветовать ему выпить на ночь бренди с содовой. По-

дошедший к нам мистер Годфри меня поддержал и, в свою очередь, стал по-дружески уговаривать мистера Франклина промочить горло перед сном.

Я так подробно останавливаюсь на этих мелочах, потому что после всего увиденного и услышанного в тот день я, к своей радости, отметил, что отношения между нашими джентльменами нисколько не пострадали. Их словесная перепалка (которую Пенелопа слышала, когда разливала в гостиную чай) и соперничество за благосклонность мисс Рейчел не привели, по всей вероятности, к серьезной размолвке. Вот что значит быть добронравными и светскими людьми! И то сказать, люди знатные, в отличие от простолюдинов, умеют держать себя в руках, не вздорят между собой.

Мистер Франклин отказался от бренди и пошел наверх вместе с мистером Годфри – их комнаты находились рядом. Однако то ли его уговорил по пути кузен, то ли он, по обыкновению, передумал – как бы то ни было, мистер Франклин остановился на площадке и крикнул мне сверху: «Может, ночью и захочется выпить. Велите отнести ко мне бренди с водой».

Я послал к нему Сэмюэля с бренди и содовой, а сам пошел снять с собак ошейники. Собаки, и та и другая, от удивления чуть с ума не сошли: в такое время их не спускали с поводка еще ни разу. Они бросились на меня с щенячьей резвостью, однако ливень вскоре охладил их пыл, они полакали дождевой воды и забрались обратно к себе в конуру. Возвращаясь

в дом, я посмотрел на небо: к утру дождь должен был прекратиться, сейчас же шел не переставая, под ногами хлюпала грязь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.